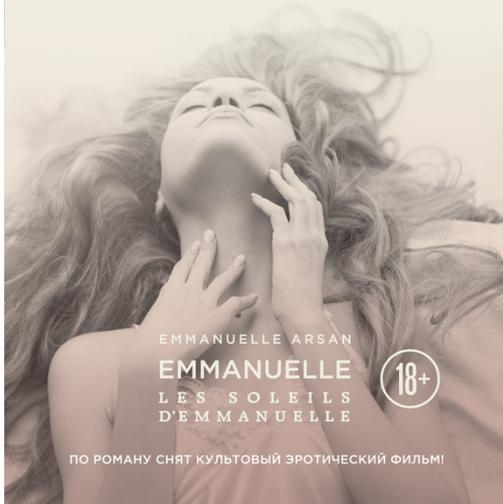

ЭММАНУЭЛЬ АРСАН

ЭММАНУЭЛЬ

ВЕРНОСТЬ
КАК ПОРОК

EMMANUELLE ARSAN

EMMANUELLE
LES SOLEILS
D'EMMANUELLE

18+

ПО РОМАНУ СНЯТ КУЛЬТОВЫЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ!

Эммануэль Арсан

Эммануэль. Верность как порок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953192

Эммануэль Арсан. Эммануэль. Верность как порок: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83919-3

Оригинал: Emmanuelle Arsan, "LES SOLEILS D'EMMANUELLE"

Перевод:

Сергей Юрьевич Нечеев

Аннотация

Неотразимую Эммануэль ждут новые любовные приключения.

Жизнь в Бангкоке, как и союз с Жаном, остались для нее в прошлом. Эммануэль второй раз замужем, что, как она считает, справедливо: у Жана тоже есть возлюбленная, Аурелия.

Ревнует ли Эммануэль? Увольте! Ведь это отличное начало для пикантной истории!

Содержание

Часть первая	5
I. Обнаженная красота	5
1	5
2	6
3	8
4	10
5	12
6	14
7	18
II. Муж моего детства	20
1	20
2	21
3	24
4	27
5	28
6	30
7	33
III. Марауй	37
1	37
2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эммануэль Арсан

Эммануэль. Верность как порок

*<es>Ревность?
Это не про нас!*

*Обладание?
Только у тебя дома.*

*Верность?
Смотри светскую хронику.*

*Любовь?
Ах, как я люблю себя! Ах, как ты себя любишь!*

*Брак непрочен,
Быт порочен.*

*Каждому – своя,
Зеваю под луной я.*

*Всегда вдвоем
Уже оцущаем себя старьем.*

НИТИЯ ФАНКАН
(считалка моей сестры-обольстительницы)

© Нечаев С., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Часть первая

Хочу, чтобы мое тело принадлежало всем

Нужно любить! Любить! Любить!

Когда любят, делятся!

А когда делятся, поют!

Сестра Эммануэль

I. Обнаженная красота

1

Молодая женщина была одета в просторное длинное белое платье, переливающееся в огнях ночного города. Она думала, что платье всех ошеломит, но, когда Эммануэль вышла из машины, взгляды прохожих устремились вовсе не на ее сногшибательный наряд, а на стройную ножку, оголенную практически до бедра.

Каждый день мужчины видели множество женских колен и бедер... Почему же именно это колено, это бедро и этот разрез, который зрительно удлинял ногу, неожиданно произвели подобный эффект?

Эммануэль знала почему и могла им об этом рассказать. Но сейчас она не обращала внимания на пристальные взгляды. Она любовалась башнями из стекла и металла, возведенными отважными архитекторами. Удивительные строения потрясли воображение и стойко выдерживали неумные порывы ветра.

Эти еретические сооружения казались ей такими же поэтичными и вселяющими надежду, как и каменные статуи Будды в храмах Бангкока, где она жила, когда ей было двадцать лет.

Освещение в вестибюле галереи было мягким и приглушенным, а гармония архитектуры и света создавала ощущение невесомости, которое настраивало посетителей на должный лад, и они почти благоговейно следовали в выставочные залы.

Книга записей была открыта. Эммануэль улыбнулась, наблюдая, как усердно Марк красивым почерком вписывает туда их имена: «Месье и мадам Солаль».

«Он без ума от этих «месье и мадам»!» – вновь умиленно подумала она: Эммануэль не могла привыкнуть к этой слабости Марка. Хотя, честно говоря, ей уже немного надоело, что этот формализм лишает определенной привлекательности те времена, когда они были «лишь» любовниками.

Главной и единственной темой выставки было обнаженное женское тело. Все полотна принадлежали кисти единственной художницы – Аурелии Сальван.

Эммануэль никогда с ней раньше не встречалась, но они знали друг о друге достаточно: перед тем, как жениться на Аурелии, Жан Сальван был мужем Эммануэль. Она была тогда девственницей, ей было семнадцать, и она хотела стать астрономом. Ей пришлось бросить учебу, чтобы приехать к нему в Таиланд. Там они прожили вместе девять лет.

Год назад они развелись. Эммануэль познакомилась с Марком, они поженились и теперь часто путешествовали, заводя новые знакомства.

Эммануэль с трудом припоминала историю их любви – события, перемешиваясь и дополняя друг друга, путались в ее голове. Они будто бы превратились в одну сплошную бесконечную ленту. У нее другой муж, но она как-то незаметно для себя стала женой Марка.

Эммануэль казалось, что Жан и Марк присутствовали в ее жизни с самого детства. Она думала, что они всегда будут рядом с ней.

2

Раньше Эммануэль никогда не видела творений Аурелии. Перед тем как прийти на выставку, она сказала Марку:

– Представь, как мне будет трудно, если мне не понравятся ее картины. Я буду думать, что это из-за ревности.

Уже с первого же взгляда она почувствовала облегчение: эта выставка ей точно понравится. Все картины Аурелии были довольно внушительного размера. Женщины были написаны в натуральную величину и занимали всю поверхность полотен. Эммануэль особенно пришлось по вкусу их убедительная непринужденность и нежная кожа, ей даже захотелось погладить эти тела. «Есть ли в моей руке та же легкость, что и в руке той, что изобразила всю эту красоту?» – подумала она.

И она громко произнесла:

– Чтобы так рисовать, нужно быть счастливой.

Рядом с ней стоял пожилой мужчина с седеющей бородой. Он повернул голову, улыбнулся и сказал:

– Эта художница рисует не для собственного утешения. По-видимому, у мадам Сальван хорошее окружение. Ей незачем мстить своим моделям.

Сияющая Эммануэль повернулась к Марку:

– Ты должен меня с ней познакомить. Должно быть, в мастерской Аурелии полно красивых женщин!

Марк громко заявил:

– Мне лично больше не нужно бегать за женщинами.

Эммануэль рассмеялась и с сожалением произнесла:

– Если ты больше не хочешь любить других женщин из-за моего тела, то ты зря на мне женился!

Ее тон был настолько серьезным и искренним, что пожилой мужчина, с которым они обменялись парой фраз, взглянул на нее с большим расположением. Марк же воспользовался началом этого довольно интимного разговора, чтобы выразить сомнение в откровенности слов Эммануэль.

– Мы же не ждем от художников всеобъемлющего реализма, не так ли? У юных Парок¹, позирующих Аурелии Сальван, возможно, широкий нос и взгляд исподлобья. Но художница сделала прелестными те черты, которыми природа их обделила.

Он протянул руку к подносу с напитками, который держала девушка, будто сошедшая с этих картин, и продолжил развивать свою теорию.

– Аурелии, возможно, ничего особенного не пришлось предпринимать. Красоту нельзя предугадать. Эти идеальные девушки, с которыми жена мне предлагает познакомиться, не существуют вне воображения их создателя.

Пожилой мужчина промолвил:

– Теперь, когда художница создала эти прекрасные шедевры, природа не замедлит создать свои копии – *смертных сестер, фантазию...* И мы с радостью признаем их существование. *И благодарна грудь под золотым монистом*².

¹ Парки – три богини судьбы в древнеримской мифологии: Нона (Nona) – тянет пряжу, прядя нить человеческой жизни, Децима (Decima) – наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу, а Морта (Morta) – перерезает нить, заканчивая жизнь человека. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика).

² Из поэмы Поля Валери «Юная Парка», перевод Р. Дубровкина.

* * *

Эммануэль понимающе подмигнула ему, а потом решительно отправилась осматривать экспозицию.

Мужчины, посмотрев друг на друга, решили представиться:

– Солаль.

– Дьёэд.

Марк недоверчиво открыл рот, но в это время вернулась Эммануэль, торопясь поделиться впечатлениями:

– Приукрашивает она действительность или нет, но у Аурелии не одна модель. У нее их целый гарем!

Незнакомец поспешно поддержал разговор:

– Вы это заметили? Все эти женщины буквально приковывают взгляд. Посмотрите, здесь – глаз не отвести от ступни, здесь – от бюста, здесь – от бедра. Зритель должен лишь определиться с предпочтениями, следовать своему свободному выбору. Но, возможно, наши пристрастия претерпят метаморфозы?

Но Эммануэль больше его не слушала. Она в восхищении замерла перед одной из картин: сверкающие море и солнце, сексуальный запах свежельвовленной рыбы. Тропическое солнце окрасило медью женское лицо с высокими скулами. Эта женщина ей нравилась.

Какое озарение, думала она, помогло Аурелии нарисовать это лицо? А волосы модели? Они буквально опутывали женщину и были созданы из листочков, лиан и колючек тайских лесов.

Может, эти загнутые ресницы и резкий подбородок, как крыша буддийского храма, где бонзы в шафранных робах пытались положить конец вечно возвращающимся иллюзиям и желаниям, существовали лишь в воображении Эммануэль? Может, все это появилось перед ее глазами лишь для того, чтобы еще раз увидеть Сиам и вновь прикоснуться к блестящей черепице, покрывающей жилища и храмы этой страны, которую она любила так сильно, что думала, будто в ее сознании навсегда сохранились милые образы этого дивного края?

* * *

Сердце Эммануэль билось так сильно, что она боялась, как бы этого не заметил Дьёэд. Что он только что сказал?

– Признаю, что не заметил сразу, как красная точка с этой груди появляется вот тут, рядом, но она уже не красная, а синяя. Тем же синим цветом светятся и глаза модели, которые уже готовы к оргазму – посмотрите на ее грудь! Она уже в ожидании финала.

Эммануэль с интересом взглянула на собеседника. По-видимому, он понял ее заинтересованность, обернувшись к ней и продолжая свою тираду:

– Вы тоже видите, как эта грудь вибрирует, или я ошибаюсь? Вполне возможно, что ее уже достигли волны наслаждения. Сначала возбудился клитор, который поглаживали умелые пальцы, а потом возбуждение перешло на грудь?

Эммануэль не ответила: она была занята собственными ощущениями – ее тело явно отреагировало на слова пожилого господина.

Она вспомнила клитор, который ей нравилось ласкать: он имел вкус Азии и океанских волн. Она слизывала с интимного гребешка пену и водоросли – ее возлюбленная только что вышла из океана. На бедрах выступили капельки крови – девушка поранилась о кораллы, и Эммануэль языком очистила кожу от крови.

Вокруг небольшой бухты собрались любопытные сиамские рыбаки и многочисленные дети, которые подсматривали за ними, спрятавшись за дюнами. Ребятишки время от времени опасливо приближались в двум соблазнительным девушкам, тела которых прикрывал лишь прилипший к коже песок.

Самые смелые подходили совсем близко, чтобы пощекотать им пятки и увидеть их роскошную наготу.

– Что-то я не могу подсчитать количество ног у этой женщины, – поинтересовался Дьёэд, – вот у этой, которая обхватила руками колени и явно тешит себя строчками из поэмы, о которой нам только что напомнил ваш супруг: *«Ведь я в гармонии такая же мечта?»*³ Я предполагаю, что у нее три ноги, ведь в трех скрыто больше тайн, чем в двух.

Эммануэль стряхнула воспоминания и громко подтвердила:

– И два половых органа между тремя ногами гораздо красивее, чем один.

3

Мужчина согласно кивнул головой. Когда Марк с женой перешли в соседний зал, он, стараясь не отставать, последовал за ними.

И он первым заметил, что платье Эммануэль, минуту назад доходившее до самой шеи, внезапно обрело глубокий вырез, оголило всю спину и спустилось даже ниже талии.

У этого выреза не было скоса, каймы или любой другой обработки. Разрез был таким грубым и резким, что казалось, будто его сделали бритвой. В конце он не закруглялся, а заканчивался прямой линией, которая горизонтально ограничивала начало ягодиц, словно оконная рама, о которую опирается обнаженная женщина.

Если бы Эммануэль приехала одетой так же, как все остальные посетительницы выставки, она бы никого не удивила: у множества окружавших ее женщин вырезы на платьях были на удивление искусными. Но этот мужчина, внимательно смотревший на Эммануэль, когда та удалялась, чтобы посмотреть картины в другом зале, был готов поклясться, что в тот момент она, несмотря на обнаженную спину, выглядела сзади так же невинно, как и спереди.

Он даже вспомнил, что, когда та повернулась, он оценил красоту и ослепительный молочно-белый цвет платья – ему даже стало досадно, что оно не прозрачно. Когда Эммануэль проходила мимо низкой лампы, контуры ее ног даже не обозначились. И уж тем более не было видно ее спины, которую теперь он мог спокойно наблюдать.

Он также отметил, что при ходьбе Эммануэль держала руку на разрезе своей юбки, чтобы тот не слишком откровенно демонстрировал ее ноги. Он подумал, что на самом деле эта женщина намного целомудреннее, чем ее отчасти эпатажное поведение.

Но тогда, спросил он себя, для чего это раздевание, которое обнажало плечи и спину и подчеркивалось высокой прической в старинном древнееврейском или месопотамском стиле?

И тут он позволил воображению разыграться. Ему представилось, как он своими ловкими руками вынимает булавки и развязывает ленточки, скреплявшие юбку. Что, если бы он, будучи не в состоянии больше ждать, взял инициативу в свои руки и залез бы туда, где скрываются великолепные черные волосы лобка? Какое нижнее белье ощутили бы его руки? О, он явно желал предаться любви с этой женщиной!

* * *

Эммануэль повернулась к нему и произнесла:

³ Строчка из поэмы Поля Валери «Юная Парка».

– Здесь женщины идут по двое.

Он не сразу понял, что она хотела этим сказать. Тогда она повернулась на каблуках и концом зажигалки с золотыми узорами, которую она держала двумя пальцами, указала ему на картины в следующей части экспозиции.

На ближней он действительно увидел две женские фигуры. Но в тот же момент случилось новое перевоплощение Эммануэль, и он уже не мог оторвать от нее взгляда. Его взволновала тайна этих метаморфоз.

Эммануэль повернулась снова, и ее спина вновь была закрыта платьем. Красивая белая ткань элегантно облегла стройное тело.

Мужчина допускал, что виной тому было его воображение. Однако он был слишком уверен в своем душевном здоровье, чтобы согласиться с таким объяснением.

И он предположил, что женщина, которая находится с ним рядом, просто забавляется, разыгрывая его. Но как она это делает? И почему пятнадцать минут назад она не обращала на него ни малейшего внимания?

«В самом деле, почему я думаю, что она делает это для меня? – подумал он. – Эта иллюзия адресована всем, кто хочет принять в ней участие: публике вообще. Лучше я послушаю, что она хочет мне сказать».

Слишком поздно... Эммануэль уже все сказала. Тем хуже для эрудита (именно так она *мысленно* окрестила своего почитателя), если он такой рассеянный! Она не будет повторять. Ей уже надоело с восхищением разглядывать целующихся женщин – все картины Аурелии в этом зале были посвящены этой теме.

На этот раз Дьёд оставил при себе наблюдение, которое он собирался высказать: на всех полотнах художница ввела одну постоянно повторяющуюся деталь – каждая женщина мастурбировала и в то же время доставляла удовольствие своей партнерше.

Совпадение действий исключало любое разделение ролей. Можно было ожидать, что, пока одна из возлюбленных поглаживает свою вульву, вторая ласкает ее грудь. Но нет! Ее рука покоилась на том же месте, что и рука ее возлюбленной. Руки партнерш одновременно ласкали друг другу вульвы, соски или же посасывали пальцы...

«Мы с Марой так же ласкали друг друга, – вспомнила Эммануэль. К тому времени прошел почти год, и Эммануэль уже сменила возлюбленную. – Каждый раз, когда я добиралась до ее киски, там уже находились пальцы этой девушки. И они всегда усердно помогали мне. Она хотела, чтобы я видела ее наслаждение. Этим девушкам на картинах Аурелии тоже нравится любить друг друга публично».

Внезапно ее охватило желание: «Будь Мара здесь этим вечером, я бы точно так же ее приласкала!»

Дьёд многое бы отдал за то, чтобы прочесть мысли Эммануэль, от которых ее глаза вдруг засияли. Доверившись искушенному взгляду, с которым девушка созерцала эти сцены, он приписал ей опыт лесбийской любви, которая наверняка ничуть не уступала действиям героинь этого вернисажа. Осмелится ли он поинтересоваться этим у девушки? Он считал, что знал ее уже достаточно хорошо, чтобы позволить себе подобную нескромность: они были вместе целых полчаса! Некоторые незабываемые истории длились и того меньше.

И тут Эммануэль заговорщически ему улыбнулась, и в тот же момент совершенно неожиданно исчезла нижняя часть ее платья. Теперь на Эммануэль была сверхкороткая туника.

У Дьёда больше не было поводов для сожаления. Ножки, которые он так хотел увидеть, теперь оказались на всеобщем обозрении. Малейшее движение приоткрывало округлость ягодиц красавицы. И он сделал вывод, что на Эммануэль не было ни колготок, ни чулок. Интуиция ему подсказывала, что на ней не было даже трусиков.

На этот раз он не стал задаваться вопросом, случилось ли у него помутнение рассудка или нет. Или по крайней мере оно обрушилось не на него одного: все присутствующие разинули рты и начали потихоньку подтягиваться к Эммануэль.

Хотя некоторые из присутствующих не проявили к этим восхитительным ножкам особого интереса. Возможно, им изменял вкус, но, может быть, они не заметили феноменального исчезновения ткани, что так ошеломило свидетелей удивительного фокуса.

– Что у вас с лицом? – пробормотала Эммануэль своему эрудиту. – Можно подумать, вы никогда не видели короткого платья!

4

Следующий зал был намного просторнее предыдущих, да и посетителей там было больше. Возможно, люди скопились оттого, что там был расположен буфет или же их привлекли картины – невероятно смелые. В первом зале на одной картине была изображена лишь одна женщина, во втором – две. Здесь же на полотне были запечатлены три дамы, тела которых были причудливо переплетены в любовном экстазе.

Страсть, объединяющая девушек-любовниц, Эммануэль не удивила:

«Самое великое наслаждение, которое мы познали с Анной-Марией, – вспомнила она, – это любовь втроем. Ах, как же мы любили друг друга, стараясь доставить максимальное наслаждение каждой из партнерш!.. И как нам было хорошо втроем! Для чего еще нужна любовь?»

Живопись Аурелии перенесла Эммануэль во времена, когда она познакомилась с первыми правилами любовной геометрии. Она до сих пор считала их действенными: самой простой, удобной, логичной, многообещающей и правильной фигурой, по ее мнению, был треугольник. Но разве существует более правильный и равносторонний треугольник, чем тот, чьи стороны состоят из трех женских тел?

«Рот Анны-Марии погружен в мою вагину, мой рот – в вагину Мари-Анны, рот Мари-Анны – в вагину Анны-Марии. Когда мы удовлетворяем друг друга, получается прекрасный треугольник».

* * *

Дьёэд вырвал ее из этих мыслей, объяснив ей озадаченность присутствующих:

– Все, что выглядит странно, кажется чужим. Люди полагают, что фраза, сказанная другими словами, имеет иной смысл.

– И на это есть причина! – воскликнула Эммануэль. – Любовь бывает разной и внешне проявляется многолико. Любовь между женщинами отличается от любви между мужчиной и женщиной, как и от любви между мужчинами, да и как от любви между детьми.

Казалось, она ждет от Дьёэда ответа, но тот молчал. Тогда она продолжила свой монолог с убежденностью, которая придавала ее голосу еще большую прелесть:

– Кстати говоря, любовь между тремя совершенно не похожа на любовь между двумя. Эти отношения нельзя сравнивать ни по задумке, ни по природе желания, ни по качеству получаемого удовольствия.

Теперь она обращалась к Дьёэду как к старому приятелю, с которым трещишь без умолку при выходе из университета. Или, возможно, как с преподавателем, которому доверяешь:

– Говорить, что «любовь между тремя лучше или хуже, чем любовь между двумя», так же глупо и так же нелепо, как спрашивать, что лучше: отварная форель в красном вине или

виндсерфинг, или что человеку ближе: литература или живопись. Вам когда-нибудь приходила в голову идея отказаться от чтения, потому что вы любите живопись?

Эрудит не был единственным, кто ее слушал. Многие посетители, казалось, ожидали, что формат дискуссии расширится и их пригласят принять в ней участие.

Но неожиданно их разговор прервался. С платьем Эммануэль вновь произошли перемены. В этот раз она обнажила не ноги, а грудь. Часть ткани от шеи до пояса исчезла, словно по волшебству.

Эта метаморфоза привлекла всеобщее внимание. Некоторые довольно громко заявляли, что грудь Эммануэль прекраснее груди женщин, изображенных на картинах. Другие рассуждали о необыкновенном крое платья, который позволял этой женщине обнажаться в любой момент.

Непринужденность и невозмутимость Эммануэль, которая хорошо осознавала эффект произведенной ею сенсации, усиливала озадаченность наблюдателей. Казалось, что не было ничего поразительного в том, что молодая женщина забавляется показом своей груди, окружающих раздражало то, что она достигает этого с помощью непонятных средств.

Кто-то поинтересовался, не покажет ли она, что там, внутри. Эммануэль ответила репликой:

– Нет, это моя настоящая грудь.

Некоторые вежливо засмеялись, другие выглядели не слишком дружелюбными. Чтобы их наказать, корсаж тут же вернулся на место. Эммануэль отвернулась, не желая встречаться с недовольными взглядами, и, обратившись к Дьёду, уже как к доверенному лицу, возобновила разговор, желая завершить обсуждение темы, которая, казалось, была ей очень близка:

– Вот вы, судя по всему, умный человек. Вы же не задумываетесь о том, насколько схожи настоящая грудь или ее изображение на полотне художника? Вы же не говорите, что какая-то из них лучше? Вы же не считаете себя обязанным предпочитать одну другой? Вы же не отказываетесь от Ренуара, потому что желаете женщину?

В разговор вмешался Марк:

– Самое важное – это желать, – сказал он.

Дьёд, который уже забыл о нем, вспомнил, что они находятся на вернисаже, и добавил:

– Самое важное – это заставить желать.

Эммануэль внимательно посмотрела на пожилого мужчину и произнесла:

– Вы напоминаете мне одного актера, который мне очень нравится.

– Алена Делона?

– Не оскорбляйте мой вкус. Я имею в виду Фернандо Рея, который играл в фильме *«Этот смутный объект желания»*⁴.

– Очень польщен, но не думаю, что я на него похож.

– О, не беспокойтесь об этом! – сказала Эммануэль. – Для меня ваше сходство не так важно.

Она взяла Марка под руку и отправилась с ним более внимательно осматривать картины, представленные в этом зале. Пока они прохаживались, платье Эммануэль вновь начало менять конфигурацию. Оно обнажало то пупок, то бедро, то плечо, то одну грудь и однажды, буквально на мгновение, – черный курчавый лобок девушки.

Эммануэль по-прежнему выглядела спокойной и безмятежной. Присутствующие, казалось, уже привыкли к этим странностям, их любопытство иссякло. Возможно, поэтому на их лицах лежала печать скепсиса. Никто больше не смотрел на нее с хамским изумлением и не задавал пошлых вопросов. Однако скрытые взгляды и тихие перешептывания доказывали,

⁴ Фильм Луиса Бунюэля (1977). В главных ролях Фернандо Рей и Кароль Буке. (Прим. ред.).

что ее безразличие не осталось незамеченным. На самом деле, на девушку смотрели чаще, чем на картины.

5

Дьёэд решил не следовать за парой. В нескольких метрах от Эммануэль он заметил незнакомца, который не сводил с нее глаз, стараясь остаться незамеченным. Когда она подошла к нему поближе, он торопливо скрылся за группой людей, столпившихся у бара.

Но те, возбужденно жестикулируя, начали указывать мужчине на платье девушки, только что оголившее ее живот. Незнакомец, не оглядываясь, быстро скрылся за боковой дверью.

Чуткий инстинкт Дьёэда подсказал ему, чтобы он обратил внимание на очень ухоженную женщину, которая вместе с небольшой группой людей держалась в стороне от всей этой суматохи. Он легко догадался, что эта женщина – Аурелия.

Что-то подсказало ему, что беглец – ее муж, Жан Сальван. Но было непонятно, почему тот с такой поспешностью скрылся из виду.

В какой-то момент показалось, что интерес Аурелии прикован к Эммануэль. Художница неподвижно наблюдала за молодой женщиной некоторое время, но ее намерения были неясны. Через некоторое время она уверенно подняла голову, задрал подбородок.

Она осмотрела невероятно красивых девушек, окружавших ее, и, казалось, молча выбирала одну из них. Затем она склонилась к одной из девушек и что-то искренно и страстно сказала ей. Великолепная девушка, сделал заключение Дьёэд. А потом он попытался мысленно соотнести ее с одной из красавиц на картинах, которые были еще свежи в его памяти.

«Так, хватит! – насмешливо оборвал он себя. – Все-таки нужно различать природу и искусство! Месье Солаль еще будет иметь возможность оценить теории кривых губ и косоного взгляда, о которых он большой мастер порассуждать, а пока посланница Аурелии направляется в его сторону».

Едва представ перед Марком, эта посланница тут же начала соблазнять его. Она предлагала ему взять напиток с подноса, демонстрируя свою неотразимость и явное сходство с персонажем картины. Но Марк оставался холоден к уловкам красавицы.

Дьёэд заметил, что Эммануэль начала волноваться. Казалось, она хочет помочь незнакомке и познакомить ее со своим супругом. Но зачем? Какой умысел она преследовала? Наблюдатель терялся в догадках.

Как бы то ни было, Марк, очевидно, подчинился сексуальному инстинкту и все-таки ушел с девушкой, оставив жену. Он сумел дать ей знак, что сожалеет. Очевидно, он присоединился к девушке лишь из чувства долга.

* * *

Едва Марк с прекрасной незнакомкой скрылись из поля зрения, к Эммануэль подошла Аурелия. Та, колеблясь, взглянула на нее. Затем, подчиняясь чувственному импульсу, поцеловала художницу в щеку.

Секунду спустя женщины отошли друг от друга, чтобы затем вновь сблизиться. Они взяли за руки и слегка улыбнулись друг другу, предполагая, чем может закончиться эта встреча.

Дьёэд проскользнул к ним, чтобы узнать об их планах. Он услышал, как Эммануэль произнесла:

– Я так рада! В жизни вы еще красивее, чем на фотографиях, которые я видела.

Голос Аурелии обрел хрипотцу, как и голос Эммануэль:

– Для меня важнее, что вы оказались такой же красивой, как я и представляла.

– Почему?

– Потому что я хочу вас нарисовать.

Эммануэль перешла в оборону.

– Но ведь для этого, – сказала она, – нет необходимости в личных встречах.

– Да, это так.

На какой-то миг, казалось, Эммануэль погрузилась.

– Я уже позировала одной художнице, – пробормотала она. – Несколько лет назад. Я не забыла об этом.

Аурелия молча смотрела на Эммануэль. Та пояснила:

– Эта женщина умерла. Ее звали Анна-Мария Сергин. Я любила ее.

Собеседница промолчала, но через некоторое время продолжила:

– Приходите в мою мастерскую в платье, которое так украшает вас сегодня.

Эммануэль все еще сопротивлялась.

– Мне нужно подумать.

Аурелия властным движением головы отказала ей даже в этом:

– Странно, что мы так долго были незнакомы. Это даже смешно.

Эммануэль внимательно посмотрела на художницу. Не столько для того, подумал Дьёэд, чтобы защитить себя от ее намерений, сколько чтобы ознакомиться с ее влиянием.

Аурелия выдержала экзамен, не потеряв своей почти деспотичной грациозности, которую придавали ей длинная тонкая талия, гибкость леопарда, полные губы египетской королевы и голубизна глаз, таких темных, что они становились сиреневыми, когда свет прожекторов светил не так ярко.

– Я бы очень смутилась, если бы у нас с вами была одинаковая прическа. К счастью, вы блондинка, а я брюнетка. И у меня длинные волосы, а у вас – короткие. Прежде чем вам позировать, мне хотелось бы знать, различаются ли наши тела.

– Если бы они были одинаковы, зачем мне тогда приглашать вас? Мне было бы достаточно и зеркала, – проговорила Аурелия.

Эммануэль покачала головой:

– Нет. Зеркала отделяют нас от того, что мы любим.

– Вы не бойтесь, когда на вас смотрят, – добавила Аурелия. – Но я вас лучше разгляжу, когда нарисую.

– Я тоже люблю смотреть, – парировала Эммануэль. – Вы не сможете меня нарисовать хорошо, если я как следует не изучу вас.

Казалось, Аурелия поддалась внезапному чувству, которое несколько смягчило ее – она уже не казалась такой властной, как прежде. Она сказала:

– Я не любитель светских бесед. А для начала мне хотелось бы нарисовать ваш рот.

– Я приду к вам завтра, – решила Эммануэль. – Тогда и посмотрим, сможем ли мы сотрудничать.

Лицо Аурелии вновь обрело сдержанное, даже, пожалуй, сакральное выражение. Она не стала ни касаться Эммануэль, ни произносить каких-либо слов. Она закрепила это соглашение решительным взглядом. А потом вернулась к своим почитательницам, которые уже давно ее ждали.

* * *

Проходя мимо Дьёэда, Эммануэль улыбнулась ему, а затем отыскала глазами мужа.

Она нашла его под стальной аркой, соединявшей залы. Натурщица Аурелии общалась с ним в основном жестами. Он слушал ее отстраненно, с вежливой скукой в глазах.

В конце концов Эммануэль убедилась, что у них нет шансов провести вечер вместе. Она помахала рукой с зажатой зажигалкой, чтобы супруг заметил ее.

Кто-то подошел и предложил ей открытую пачку сигарет.

– Спасибо, – сказала она, – вы очень любезны. Но я не курю.

Наконец блеск золотой зажигалки, сверкающей в свете ламп, привлек внимание Марка. Он с облегчением выдохнул, извинился перед своей собеседницей и направился к жене.

Собираясь взять Эммануэль под руку, он увидел, что ее платье стало полностью прозрачным.

Раздетая с головы до ног этой последней шалостью своего платья, Эммануэль еще более хладнокровно выдерживала взгляды публики. Как ни в чем не бывало она вновь отправилась с Марком прогуливаться по залам и осматривать картины Аурелии.

Марк сохранял такое же хладнокровие. Кажется, что посетители выставки были больше удивлены и даже возмущены отношением этого господина к неожиданным трюкам с обнажением, которые неустанно демонстрировала его спутница. Но какие бы чувства они ни испытывали, все, безусловно, были очарованы этими неожиданными превращениями и не могли устоять перед соблазном следовать за удивительной парой.

А Марк и Эммануэль снова и снова любовались чувственными свободными созданиями, изображенными на полотнах Аурелии. И вот теперь, как по мановению волшебной палочки, на этих девушек, как будто из зазеркалья, смотрела такая же прекрасная и такая же обнаженная женщина.

* * *

– Хочешь, пойдем домой? – спросил у нее Марк, когда заметил признаки усталости на лице своей жены, что совершенно естественно для любого посетителя выставки, каким бы ревностным и выносливым он ни был.

– Ну уж нет!

– Ты хочешь чего-то еще?

– Найти свое платье!

Марк счел эти хлопоты излишними.

– Тебе и так очень идет, – заверил он Эммануэль.

– Увидим, как отреагируют зеваки, когда я выйду на улицу обнаженной. В Бангкоке этот трюк собирал вокруг меня толпы любопытных.

Марка подобная перспектива совершенно не волновала, но он тем не менее попытался более трезво взглянуть на вещи:

– Неприятности мне могут причинить только охранники галереи: они подумают, что я украл один из экспонатов выставки.

– Тогда ты отправишься в тюрьму.

6

Когда они вновь вошли в гигантский вестибюль, нагота Эммануэль отразилась в бесконечном калейдоскопе стен и медного потолка. Следуя за своим отражением, Эммануэль увлекла Марка в лабиринт этого пространства, абсолютно лишённого прямых линий. У изгиба зеркала они нос к носу столкнулись с парой подростков, которые, без сомнения, тоже были любителями экстрима.

Марк вспомнил, что уже видел их раньше, он запомнил их манеру держаться – довольно эксцентричную в подобной обстановке. Они без стеснения пялились на Эммануэль. Они, как и прочие, не могли поверить своим глазам. Но, в отличие от большинства посетителей, этих подростков, очевидно, интересовало не исчезновение платья, а нечто иное.

Но что же? Марк почувствовал, что Эммануэль и подростков что-то объединяет, но что? Предзнаменование или воспоминание?

В конце концов, их поведение вполне соответствовало возрасту. Они наблюдали за Эммануэль скорее с любопытством, чем с осуждением. Подростки не часто наблюдали за обнаженными людьми, поэтому сейчас пытались рассмотреть Эммануэль как следует. Они старались запомнить мельчайшие части ее тела, разделив обязанности: один изучал верх, другая – низ. Молодые люди методично рассматривали выпуклости и ложбинки ее вульвы, густую растительность, усыпанную крохотными жемчужинами, которые были нанизаны специально так, чтобы через каждую из них проходили шелковистые волоски лобка.

Но лица подростков при этом оставались совершенно бесстрастными.

Судя по гербам на их блейзерах, они были студентами. Такие же гербы украшали их галстуки: Эммануэль отметила, что это были эмблемы какого-то английского университета, но какого именно, она не знала.

Однако ей все-таки хотелось бы узнать об этом, чтобы определить, к какому кругу принадлежали эти ученики, изучавшие ее с таким неприкрытым вниманием. Тщательность, с которой они это делали, так ее завораживала, что она боялась шелохнуться, чтобы не потревожить наблюдателей. В свою очередь она имела возможность спокойно изучать их: «Просто невероятно, как они похожи! – восхищалась Эммануэль. – В хорошем смысле этого слова!»

Она изучила их быстрее, чем они – ее:

«Бледная кожа. Тонкие черты лица. Светлые волосы, розовые губы, голубые глаза... Слишком опрятные».

Девушка была в юбке, а парень в брюках, но все равно казалось, что они одеты почти одинаково. Ткань, цвет и покрой их одежды указывали на их родство.

«Дети лорда», – решила Эммануэль. Чтобы закончить эту мысль, она отметила про себя: «Близнецы, конечно же!»

Она подумала, кто каждый теперь знает друг о друге достаточно. И теперь всем можно было разойтись.

Но в тот же момент она заметила во взгляде девочки неуверенность, которая вдруг осветила ее лицо невыразимой прелестью. Эммануэль задержалась.

«Кажется, – подумала она, – девушка не знает, что такое опыт и что такое желание, забвение и аванс. Она хочет остаться сдержанной и сохранить тайну, но в то же время намерена показать, что хорошее воспитание – это знать больше, чем то, чему научили».

Так или иначе, но решение было принято мгновенно. С тем же серьезным видом, с которым она изучала Эммануэль, девушка, не торопясь, подняла юбку, проскользнула ладонями в шелковые трусики, отогнула кружевной вырез, а затем осторожно спустила это дорогое белье до колен. Потом она сняла открытые туфли на высоких каблуках. Через несколько секунд трусики девушки упали до лодыжек, она подцепила их двумя пальцами и протянула Эммануэль, не сопроводив этот неожиданный подарок ни словами, ни улыбкой. Эммануэль рассеянно протянула руку, чтобы получить этот дар. Взгляд ее был устремлен на лобок девушки, покрытый золотистым пушком, и стройные бедра, достойные карандаша Аурелии. На молодой особе не было пояса для чулок, их удерживали подвязки серебристого цвета. Эммануэль, не отрываясь, смотрела на ее нежные, непристойные, детские бедра, даже когда девушка опустила свою фланелевую юбку.

* * *

Эммануэль покрутила трусики, спрашивая себя, что бы с ними сделать. Она решила отдать их Марку. Тот в свою очередь пощупал их и вернул юному англичанину.

Девушка несколько удивилась такому повороту событий, но юноша, видимо, согласился с этим решением. Он бережно сложил трусики и положил в карман пиджака.

После этого он повернулся к девушке, обнял ее и поцеловал в губы. Они обменялись длинным поцелуем, который взволновал Марка и Эммануэль так же, как и парня. Не отрывая губ от губ девушки, он расстегнул пуговицы на брюках и вытащил свой член. Его эрекция была внушительной.

Однако девушка даже не взглянула на этот шедевр. В свою очередь она, не прерывая поцелуя, вновь задрала юбку и педантично обернула ее вокруг бедер и живота.

После этого девушка обвила руками шею юноши, легким движением ягодич подала свои бедра вперед и обвила ляжками поясницу парня.

Тот даже не шелохнулся от тяжести. Он изящно держал руки на талии своей предполагаемой близняшки. Она решительно насадила себя на его член. Подросток тотчас же начал живо двигать тазом. Эммануэль восхитилась крепкими мускулами, похожими на стальные тросы. Подвязки на бедрах девушки каждый раз то чуть спускались, то приподнимались, демонстрируя их непристойность.

Наконец любовный ритм ускорился, тела начали двигаться быстрее. При каждом толчке на ягодицах девушки появлялись ямочки. Энергия толчков, их трепетный темп – все это красноречиво свидетельствовало о характере молодой особы. Она была из тех, кто любил быстро достигать желаемого. В данном случае она хотела кончить. Она стремилась поскорее получить удовольствие.

Эммануэль это поняла, но про себя посетовала:

«Она двигается слишком быстро. Я же никогда не потеряю темпа!»

Девушка тоже вполне могла бы продлить удовольствие, если бы дала себя приласкать, и Эммануэль прекрасно это знала. Но сейчас она хотела лишь наблюдать.

Единственное, что она себе позволила, – это молча сжать руку Марка.

* * *

Она с сожалением охнула, когда парень, захрипев, изверг свою сперму. Девушка была сдержаннее, чем ее партнер, но, судя по всему, оргазм ее был более длительным, и достигала она его как будто с помощью волевого усилия.

Ее лицо разгорелось от триумфа, но она даже не улыбнулась, лишь сладострастная гримаса исказила ее лик. Девушка выразительно посмотрела на Эммануэль.

* * *

Как только брат вышел из нее, сестра взяла трусики из кармана парня и снова надела их. Потом она обулась, тряхнула волосами, легко кивнула Эммануэль и Марку, как это было принято у них, богатых гордецов, чтобы попрощаться.

Молодой человек так же кивнул им. Подростки гордо удалились с прямыми спинами.

* * *

«Нечестно, что они уже ушли! – воскликнула Эммануэль, облокотившись на зеркало и до пояса раскрыв разрез своего невидимого платья. – Они должны были остаться, чтобы посмотреть, как мы будем заниматься любовью».

Но через некоторое время она успокоилась:

«В любой момент здесь могут появиться люди. И нам придется любить друг друга впопыхах, как и эти юнцы!»

Марк не считал себя обязанным изображать акробата. Он не держал свою партнершу за ноги на манер близнецов. Он уверенно оперся о стеклянную стенку.

Между девушкой и Эммануэль обнаружилось сходство: она стала такой влажной от желания, что Марку, как и ранее парню, не составило труда войти в нее.

Правда, в отличие от парня, Марк не позволил Эммануэль управлять всем процессом: именно он контролировал глубину и темп своих толчков. Контролировать – сильно сказано. На самом деле он не мог бы умерить пыл своих ударов, даже если бы Эммануэль его попросила об этом. Но та об этом даже не думала. Неистовство ее мужа, которого она в шутку называла «волком», переполняло ее разум и тело. Ее стоны отчетливо передавали наивысшее удовольствие, чтобы у Марка не возникало никаких вопросов по этому поводу.

Эммануэль знала, что ощущения Марка похожи на ее собственные. Они оба получали непередаваемое удовольствие от приближения оргазма, пожалуй, не меньшее, чем от самого оргазма. С самого начала их отношений Марк дал понять Эммануэль, что всякий раз, когда он входил в нее, а затем выходил, он испытывал невыразимое удовольствие, точно такое же, как и когда он кончал. Но, в отличие от большинства мужчин, он мог растягивать это кульминационное чувство настолько долго, насколько хотел. И он не кончал, пока Эммануэль не исчерпывала всю полноту экстаза.

Пока она не достигла этого сладкого изнеможения и с ясностью восприятия, которая пришла с опытом, наслаждалась своими ощущениями от нескончаемых проникновений члена своего любовника (она предпочитала определять его именно так). Ей казалось, что она видит, как его набухший пенис, готовый извергнуться в любой момент, вибрирует и упирается в стенку ее матки.

«Интересно, – думала она, – Марк прямо сейчас заполнит мое отверстие спермой, которая буквально распирает меня? Нет! Он выйдет из меня. А потом снова войдет, и на это раз – еще глубже! Однажды он пробьет меня насквозь, и это будет прекрасно! Сможет ли юный англичанин сделать когда-нибудь то же самое со своей сестрой? Как бы я хотела при этом присутствовать, чтобы отпраздновать это вместе с ней!»

Она постаралась представить себе не только великолепный член подростка в блейзере, украшенном гербом, но и черты его лица. Напрасно. Облик его спутницы тоже утратил свои очертания.

«Нужно было посмотреть на их отражение в зеркале, – пожалела она. – Тогда бы я смогла представить их точнее».

Но Эммануэль прекрасно понимала, что ей и не хотелось их вспоминать. Ее воображение всегда срабатывало лучше, чем память.

И в тот же момент фантазии удалось сделать то, что никак не получалось у реальности:

«Члены моего мужа и этого студента такие разные, но вместе они творят чудо в моем теле. Одно – движется, второе – остается неподвижным... Они огромны и доставляют мне потрясающее удовольствие. Но я не смогу удерживать их в себе вечно. Вдвоем они точно с легкостью смогут просверлить меня насквозь. Когда их спаренные головки выйдут из моей

спины, они пригвоздят меня к зеркалу, как расчлененную сиамскую кошку. И я останусь висеть там на протяжении нескольких недель, как картина на выставке».

* * *

Перед тем как сказать Марку, что она уже готова кончить, Эммануэль позволила себе помечтать в последний раз:

«Если ко мне вновь прикоснутся, то это будут художники, гораздо более опытные, чем я».

7

– Вы опоздали, – сказала она Дьёэду, когда тот присоединился к ним у выхода. – Меня сняли.

И чтобы он еще больше запутался в значении сказанных ею слов, она резко добавила:

– Мы подумали, вы ушли, не попрощавшись с нами.

Дьёэд решил не возражать.

– Где припаркована ваша машина? – поинтересовался Марк.

– К счастью, у меня ее нет, – ответил Дьёэд.

– В таком случае мы подвезем вас до дома, – предложил Марк.

– Мне бы не хотелось вас обременять.

– Ерунда. Я взял на ночь шофера из «Алеф Альфа». Он обожает сверхурочные в опасных кварталах... Вас что-то смущает?

Дьёэд крикнул от досады, отчего оба его собеседника рассмеялись.

– Ваша супруга вновь одета.

– К большому сожалению! – посочувствовал Марк.

Повернувшись к Эммануэль, Дьёэд удивленно произнес:

– Как это у вас получается?

– Понятия не имею. Эта штукавина делает то, что ей заблагорассудится. Ее придется доработать.

Марк решил не анализировать этот феномен и предложил:

– Давайте уйдем отсюда незаметно!

* * *

В машине Дьёэд задавал только приличные вопросы:

– Что вы имеете в виду под «Алеф Альфа»?

– Так называется моя компания, – объяснил Марк.

– И чем вы занимаетесь?

– Консалтинг в сфере коммуникаций.

– Вы хорошо зарабатываете! Хотя наши современники разучились общаться.

– Не разучились. Просто не осмеливаются, – поправила его Эммануэль.

Марк попробовал пресечь эти пустые разговоры.

– Я выбрал профессию, которая сделала меня завидным женихом, – признался он.

Дьёэд деликатно промолчал, ожидая дальнейших объяснений. Эммануэль воспользовалась паузой, чтобы вставить свою реплику:

– Мужчины и женщины расстаются, потому что думают, что им больше нечего друг другу сказать. На самом деле их бесит плохая акустика. Они говорят слишком тихо, их дикция далека от совершенства. Они часто ворчат, бормочут, повышают голос, не заканчивают

фразы, допускают грамматические ошибки. Они повторяют все по два раза. Мужчины и женщины не слушают друг друга. Дни нашей жизни сочтены, и многие считают, что не стоит тратить время на слова.

Дьёэд продемонстрировал, что он очень внимательный собеседник:

– То есть вы считаете, что выражение «не слушать друг друга» следует воспринимать буквально? – подытожил он.

Она подтвердила его слова:

– Брак в конечном счете зависит от умения слушать. Слушать, не обращая внимания на помехи.

Марк продолжил мысль Эммануэль:

– Семейные пары должны ходить на занятия по музыке. А в нашей жизни чаще всего присутствует лишь живопись!

– Прежде чем заботиться о гармонии, – настаивала Эммануэль, – следует научиться держать ноту. Следить за голосом и не давать петуха.

В их разговор вмешался шофер, высказав древнюю мудрость:

– Женись не женись – все равно пожалеешь.

Дьёэд переспросил:

– Это Сократ, не так ли?

– По крайней мере, Диоген Лаэртский приписывает эти слова ему, – любезно уточнил водитель. – Эти же слова цитирует Кьеркегор в своей «Диапсалмате». Месье, вы приехали.

– Когда мы увидимся вновь? – поинтересовался Марк.

– Я хотел бы пригласить вас завтра к себе на ужин, – предложил лже-Фернандо Рей.

– Нет, – сказала Эммануэль. – Я позвоню вам. Надеюсь, у вас есть телефон?

Он покорно вытащил из кармана своего пиджака очень плоский бумажник, достал оттуда маленькую визитную карточку и протянул ее молодой женщине. Та громким голосом прочла:

– П. Э. Б. Б. де Дьёэд. У вас столько имен?

– Мои родители были многословны, – извинился он.

– И все же назовите их.

Он чуть откашлялся и произнес:

– Пайан-Эростен-Белиал-Барабба.

– Вот как? – не поверила Эммануэль.

– Мои родители были еще и несколько противоречивыми людьми.

Она с пониманием кивнула.

Открывая пассажиру дверь, шофер по достоинству оценил его одежду:

– Вы одеваетесь на Олд Бонд стрит, в «Хилл-хаусе», не так ли? Хорошая марка, мало кто о ней знает.

– Но вы же знаете, – отметил П. Э. Б. Б. де Дьёэд.

– Я тоже там одеваюсь, – известил его водитель.

Эммануэль прервала этот поток любезностей:

– Что же, тогда до скорого! Пока, Пэбб.

II. Муж моего детства

1

Когда на следующее утро Эммануэль вошла в мастерскую Аурелии, цвет стен привел ее в замешательство. Она почему-то решила, что они должны были быть белыми, а полу надлежало быть заставленным стульями в форме церковных кропильниц или больших чаш. Ничего подобного! На стенах, выкрашенных в светло-бежевый цвет, не было ни одной картины, мебель отсутствовала полностью.

Взгляд Эммануэль несколько затерялся в просторах помещения, которое, как ей показалось, имело форму огромной вытянутой буквы S. Она вошла с конца этого S и видела лишь петлю напротив, изгиб огромной комнаты. И ей подумалось, что оно похоже на изгиб небольшого озера, берега которого заполнены купальщицами.

Аурелия не встретила ее. Перед Эммануэль стояла юная зеленоглазая девушка со светлыми волосами.

Эммануэль не смогла припомнить, видела ли она изображение этой красавицы на вернисаже или нет. Правда, эта девушка была одета, впрочем, довольно странно. Тело девушки прикрывали два платка. Один был завязан на пояснице и ниспадал до земли. Второй – на шее, прикрывая грудь.

Не говоря ни слова, она обняла Эммануэль за плечи и нежно, но страстно поцеловала ее в губы. Язык обольстительницы проскользнул в рот Эммануэль, потрогал кончиком ее зубы и лишь потом выскользнул обратно.

Видимо, вкус поцелуя понравился девушке, потому что она вновь поцеловала ее, обследовав язык Эммануэль своим языком.

Все это время темно-зеленые глаза смотрели в глаза Эммануэль. Та удивилась этому взгляду, этому чувственному поцелую. Она не знала, почему эти незнакомые ей руки обнимали ее так, будто ждали очень давно, и не понимала это сердце, которое билось совсем рядом и, казалось, было подарено ей сразу же, при первой встрече.

Эммануэль отметила, что она возбудилась гораздо быстрее, чем обычно, ей нравилось целоваться с девушкой. Ее тело пронзила дрожь, она вся превратилась в дыхание, осязание и вкус. Каждая ее клеточка хотела пить любовный напиток и напоить своими соками партнершу.

Рука незнакомки расстегнула ее платье, ладонь устроилась между грудей. Эммануэль опасалась лишь одного: чтобы неожиданная неуместная скромность не остановила эту руку на полпути, не удержала ее от прикосновения к эротическим точкам.

Но у этой девушки с глазами цвета зеленых листьев не было и тени этих глупых сомнений. Без проволочек ее ладонь ощупала грудь и принялась ее ласкать, нежно поглаживая. Ее пальцы коснулись края груди, а потом ухватились за сосок. Они надавили на него довольно сильно, но потом пальцы снова начали нежно поглаживать кончик соска. Осознав произведенный эффект, девушка продолжила эти движения, дополнив их легкими вибрациями. Ее пальцы двигались размеренно, повторяя движения раз за разом, до бесконечности. Казалось, это длилось целую вечность. Эммануэль желала только одного: чтобы ласки не кончались.

Она едва слышно застонала, но рука незнакомки тут же утешила ее, убаюкала, укачала.

Теперь настала очередь другой груди. К ней девушка применила другую тактику, изобрела новые движения, довела свое мастерство до совершенства. Эммануэль уже едва сдерживалась, и в итоге ее голова легла на плечо светловолосой вакханки, чтобы унять всхлипывания, которые вызвало нежданное удовольствие.

Как только девушка прекратила свои ласки, Эммануэль испугалась, что ее оставят одну. Она действовала решительно: сняла пояс, расстегнула до конца платье и взяла руку, которая уже подарила ей наслаждение. Эммануэль направила руку незнакомки вдоль своего живота к плотному волосяному клубку, из которого можно было прясть, ткать, который можно было расчесывать, пропаривать, лощить, взбивать и делать все, что захочется.

Но тут соблазнительница воспротивилась. Она вдруг снова схватила обе груди Эммануэль, и это обладание сделало ее хозяйкой положения. Она снова начала ласкать ее соски.

И она достигла еще более впечатляющего успеха, чем раньше. На этот раз стоны Эммануэль были куда громче. Девушка прервала эти крики новым поцелуем. Рука же ее ни на миг не прекращала свои движения.

Ее пальцы коснулись влагища Эммануэль, потом погрузились в него, повернулись, вышли и снова вошли. Длинные пальцы девушки касались то одной, то другой стенки влагища, погружались все глубже, находя нужный ритм и самое чувственное место. Потом соблазнительница с зелеными глазами вытатила пальцы и облизала их. Затем она дала облизать их Эммануэль, прикоснувшись в ее губам, а потом сунув их поглубже в рот, чтобы Эммануэль прикусила их зубами. Ноги Эммануэль не дрожали и не слабели. Она привыкла кончать стоя. Достаточно быстро, достаточно бурно, достаточно долго.

Ей даже показалось, что светловолосая красавица сама готова упасть на колени, а потом распластаться по полу. И тогда Эммануэль поддержала ее, оживила своей лаской и стала поглаживать ее бедра, живот и грудь, с которой она сбросила тонкий платок.

И даже тогда Эммануэль не слишком осознавала, что они с этой девушкой занимаются любовью стоя. Ей казалось, что они лежат на траве, вытянувшись друг напротив друга, лобок к лобку. Эммануэль лежала сверху. И когда ею завладело желание, она могла свободно ласкать верх тела девушки, ее вульву, могла тереться губами о пупок, где блестили капельки пота. Она могла слизывать их у ребер, проступавших сквозь тонкую кожу.

Эммануэль начала сжимать своими жадными губами эти острые груди, и их сочный вкус заставил ее снова кончить от удовольствия.

Когда из влагища Эммануэль потек сок, она передвинулась поближе к девушке и прижалась им к ее рту, чтобы та смогла разделить с ней этот триумф любви.

2

– Петра!

Крик прервал волшебный момент.

Он раздался с другого конца комнаты.

Золотоволосая девушка отодвинулась, тяжело дыша, словно пловчиха, испытывающая головокружение на суше.

– Да? – ответила она тоном послушного ребенка.

– Не так давно, – произнес голос, – звонили колокольчики на двери. Кто-то заходил?

– Да.

– Кто?

– Не знаю.

Она спросила у Эммануэль:

– Как тебя зовут?

– Но... Разве ты меня не знаешь? Ты меня не ждала?

– Нет. А зачем ты здесь?

– У меня встреча с Аурелией.

– А, понятно.

Она взяла посетительницу за руку и провела вдоль изгиба комнаты.

* * *

Во втором изгибе пространство было заставлено мебелью. Посередине стоял стол, на котором лежали тюбики, пузырьки и плоски с тщательно разложенными красками, коробки с карандашами, палитры, керамические вазы с кисточками, щеточками, ножичками и длинными палочками из твердой древесины. Рядом лежала замшевая сумка. И почему-то именно она в глазах Эммануэль (она и сама затруднялась сказать почему) еще более символизировала тайну художника, чем другие инструменты, относящиеся к этой профессии.

А может, она вспомнила, как Анна-Мария в самом начале их отношений поэтично называла муштабель⁵ *la mia verga*⁶; но затем, научившись играть в бильярд с Эммануэль, упоминала о нем не иначе как о «своем кие»?

Высокие старые подставки, похожие на скульптуры; мольберты, на которых располагались законченные или незавершенные картины, а также девственные полотна; светильники с ширмами; высокие, искусно сплетенные корзины, заполненные рулонами чертежной бумаги или великолепно пахнущими цветами; листва, торчащая из лакированных вазочек; груды разнообразных цветных подушек; бронзовые блюда со статуэтками из прокаленного камня, будто добытые из центра Земли, металлические украшения – это все, что Эммануэль успела отметить, прежде чем остановиться перед группой из пяти или шести прекрасных женщин, которые окружали Аурелию с бдительностью взвода гвардейцев.

«Амазонки? – вообразила она. – Да нет же! Не могу представить, как эти лучницы прижигают себе грудь, даже из безумной любви к своей королеве».

Та подняла руку и скомандовала:

– А сейчас оставьте меня. Я хочу остаться наедине с Эммануэль.

«Стражницы» ретировались так дисциплинированно, что это лишь добавило им привлекательности. Аурелия посмотрела на оголенные руки и платье гостьи с неприлично глубоким вырезом и спросила:

– Вы не надели вчерашнее платье?

– Оно не хотело меня слушаться, – объяснила Эммануэль. – Я его наказала.

Восхищенным жестом она обвела рукой мастерскую:

– Как же вам повезло, что вы можете работать в такой прекрасной мастерской! Просторной. Спокойной. Уединенной. Сразу понятно, что вы мастер точных линий.

Аурелия спокойно улыбнулась. Эммануэль больше не ощущала скрытого торжества художницы, которое та излучала накануне. И тон Аурелии был совсем иным – умиротворенным и сдержанным.

– Если вы думаете, что мне несвойственны эмоции, то глубоко заблуждаетесь. Если бы это было так, я бы не попросила вас прийти ко мне.

– Я пришла, чтобы стать вашей натурщицей, – напомнила Эммануэль. – Ведь, как мне кажется, модель должна держаться отстраненно. Кстати, мне совершенно непонятно, зачем я вам понадобилась, когда рядом с вами столько прекрасных женщин. Не думаю, что я обладаю чем-то особенным, разве что волшебным платьем.

– Я ищу женщину, которую смогу писать в течение длительного времени и очень тщательно. Ей придется долго позировать, и она не должна меня торопить. Эта женщина должна позволить «препарировать» себя. Я ищу ту, кто позволит себя разделить, я хочу сказать, разрезать на мелкие кусочки.

⁵ Муштабель – приспособление, которое используют живописцы, чтобы поддерживать правую руку при работе над мелкими деталями картины.

⁶ Verga (ит.) – прут, рея, половой орган.

– Как тот японский гурман – голландку?⁷

– Совсем наоборот. Когда художник слишком увлечен объектом, который пишет, именно он оказывается уничтоженным.

Эммануэль было не так просто заставить изменить свое мнение.

– Нет никаких причин полагать, что вы в меня влюбитесь.

– Однако порой причины замечаешь уже после того, как дело сделано, – ответила Аурелия.

– Могу ли я присесть? – поинтересовалась Эммануэль. – И где?

Аурелия нашла ей оранжевую шелковую подушку и сама села на другую.

– Поймите, – продолжила она. – Когда я говорю о том, что «препарирую» вас, – это не метафора. Я надеюсь, что вы уделите мне достаточно времени, чтобы я смогла изобразить каждую отдельную часть вашего тела. Они будут жить своей, автономной жизнью. Например, на одной картине я изображу только ваши щеки. На другой – ресницы. На следующей – глаза, усыпанные звездами. Ваши зубы и ваши губы. Ваш язык, который тянется к листу, чтобы испить дождевой воды. Ваше ухо, на котором будут видны недавние следы от укусов любящей девушки. Затем шея. Потом локоть. Каждое колено. Нет! Что касается колен, я нарисую десять картин. Или даже сто. Буду повторять раз за разом, как Пикассо – своих фавнов.

Эммануэль рассмеялась:

– Кто заразил вас вирусом поэзии? Марк или Пэбб?

Ах, дрожь моих колен

*Предчувствует испуг коленей беззащитных...*⁸

А я-то думала, что вы пригласили меня, потому что заинтересовались моей грудью!

– Я оставлю ее для последних картин. Точнее, для предпоследних. На последних будет ваша вагина.

– Уф! – воскликнула Эммануэль. – Я еще легко отделалась. Был момент, когда я испугалась, что имею дело с фетишисткой. Знаете ли, я полна предрассудков. Извращения – не мой конек!

Улыбка осветила голубые глаза Аурелии. Было понятно, что она не собирается так просто сдаваться.

Эммануэль продолжила свою мысль:

– Ведь вы же хотите почерпнуть вдохновение только из отдельных частей моего тела, черт возьми! И покрой моего платья должен помочь вам разложить меня на части, не так ли?

Но ей не удалось взять верх над Аурелией.

– Ваше платье? – удивилась художница. – Думаю, вашему платью тоже нравится показывать ваше тело частями.

Этот очевидный факт заставил Эммануэль вздохнуть:

– Должно быть, такова моя участь. Мне даже не дано выбирать, какие части показывать.

– Но разве прошлым вечером не вы решали, что именно вам надеть?

– Конечно же, я. Но я могла управлять своим нарядом лишь в начале вечера. А потом что-то сломалось, и механизм начал действовать самостоятельно. Случилось настоящее восстание машин! Научная фантастика давным-давно предупредила нас об этом, и наконец

⁷ В июне 1981 года японец Сагава выстрелом из карабина убил свою любовницу – голландскую студентку Рене Хартевилль. Потом он аккуратно разрезал тело подруги на куски и часть из них съел.

⁸ Стихотворение Поля Валери «Юная Парка», перевод Б. К. Лившица.

это случилось. К счастью, в моем случае никто не пострадал. И даже не ослеп! Разве кто-нибудь жаловался?

Аурелия вновь весело улыбнулась. Задумчиво помолчав, она спросила:

– Это ваш муж задумал эту хитрость?

Эммануэль скорчила презрительную гримасу:

– Зачем Марку заниматься такими глупостями? Это не для него.

Но Аурелия придерживалась иного мнения.

– Он же рекламщик, – заметила она.

Эммануэль приняла оскорбленный вид:

– Это изобретение не имеет отношения к рекламе. Оно ломает само представление об одежде. Нравственность и порядочность не смогут перед ним устоять.

– Но эти качества не могут устоять и перед рекламой, – отметила Аурелия. – Если это не Марк, то кому же принадлежит это потрясающее открытие?

– Лукасу Сен-Милану.

Аурелия подняла брови:

– Это новый кутюрье? – поинтересовалась она.

– Вовсе нет. Он – и химик и физик. И еще биолог. В общем, биохимик. Если не считать других специальностей. Он молод, как и все гении. И одинок. Но на это есть множество причин. Он даже какой-то дикий, я бы сказала. Поэтому никто о нем не знает.

– Кроме вас?

– Я знакома с ним недавно. Но расскажу вам о нем в другой раз. Когда он доведет до совершенства свою эффектную ткань.

– Мне кажется, что этот материал получился весьма удачным и вполне пригоден и сейчас, – сказала Аурелия. – Это настоящая революция в моде. И то, что платье само решает, когда и какую часть тела обнажить, кажется мне наиболее интересным.

– Я предпочитаю, – твердо заявила Эммануэль, – сама решать, что показывать. И кому показывать.

3

Эммануэль с сожалением произнесла:

– Вчера, к примеру, я хотела, чтобы мое платье увидел Жан. Но он не пришел на вашу выставку.

– Он был там и видел ваше платье.

Эммануэль была очень удивлена.

– Он прятался? Что на него нашло? Я больше ему не нравлюсь?

Аурелия едва уловимым жестом высказала осторожное непонимание:

– Я ничего не понимаю в мужской психологии.

– Вас интересуют только женщины?

– Вовсе нет! Вы же не думаете, что у женщин есть все необходимое, чтобы я интересовалась исключительно ими?

Огорошенное выражение собеседницы, которая, как известно, не была склонна к моносексуальности, казалось, очень развеселило Аурелию. Она спокойно подождала вопроса, который Эммануэль не могла ей не задать:

– А Жан?

– Он – мой муж.

Эммануэль покачала головой, подумала немного, а потом промямлила:

– Да я... Нет, ничего... Я лишь хотела спросить, изменился ли Жан.

Аурелия казалась задетой:

– Изменился? Что вы хотите этим сказать? Разве он без сожалений не делил вас с девушками, которых вы любили?

– И с мужчинами, которых я любила. Но и я их делила с ним, когда чувствовала, что ему это доставит удовольствие. Вы тоже так делаете?

– Не думаю, что он этого хочет.

Эммануэль воодушевилась:

– А это уже вы должны вызвать его интерес! Иначе какого черта вы вообще поженились?

Аурелия так резко наклонилась вперед, что Эммануэль подумала, будто та ее сейчас обнимет. Нет. Тогда, может, укусит? При этой мысли она рассмеялась.

Но Аурелия лишь приблизилась к ней, чтобы придать значимости своим словам:

– Я скажу, когда вы сами расскажете, по какой такой непонятной причине вы развелись с Жаном.

Эммануэль без промедления ответила:

– От любви.

Аурелия опешила. В конце концов она произнесла:

– Интересно... Но от любви к кому?

– От любви друг к другу. Не стоит подвергать риску брак, длящийся более десяти лет.

– Что же, это такой ужасный риск? – почти безразлично спросила Аурелия, которая, казалось, вновь прибегла к неприступной лаконичности, которую наблюдала Эммануэль накануне.

Женщины сидели на подушках друг напротив друга. Голые ноги Эммануэль прикрывала юбка. Она была счастлива, что Аурелия смотрит на них, и хотела, чтобы художнице захотелось к ним прикоснуться. Но сначала она страстно желала увидеть тело Аурелии, формы которого скрывал легкий комбинезон летчика. А эти формы, которые, как догадывалась Эммануэль, были очень красивы.

Они были почти одного роста. Без сомнения, одного веса. И одного возраста? Это было довольно трудно определить, ведь многие женщины практически не меняются с двадцати до тридцати лет. Были ли они похожи? Кажется, они обе опасались, что единственное их сходство – внешность...

Тем не менее Эммануэль упорно искала сходства с Аурелией. Ей хотелось спросить у своей визави: «Вам нравятся мои ноги? Или только колени? Доставляет ли вам удовольствие смотреть на них? Знаете ли вы, что ваш взгляд возбуждает мой клитор и мои соски? Я уже теку. Мне безумно хочется ласкать себя и чтобы вы видели, как я это делаю. Я хочу кончить прямо перед вами, прося лишь о том, чтобы вы продолжали смотреть на мои ноги именно таким взглядом».

Но Эммануэль решила, что Аурелия все же думала вовсе не о ее ногах, хотя продолжала смотреть на них. Она думала о браке Жана и Эммануэль, а также, без сомнения, о своей свадьбе с этим мужчиной. Хорошо было бы, чтобы она смогла понять Эммануэль: тогда бы у нее были причины ее желать. «И хотя она противится, лично я считаю, что мои ноги – лучший повод хотеть меня. Этого повода будет достаточно для нас обеих!»

Аурелия тихо спросила:

– Сколько, по-вашему, надо жить в браке?

Эммануэль не заставила ждать ответа:

– Пока помнишь, что любовь – это игра. Чтобы уметь над ней посмеяться.

Лицо Аурелии оставалось серьезным, Эммануэль продолжила:

– Зачем вместе стареть, когда уже не смешно?

Аурелия по-прежнему пыталась придать разговору персонифицированную форму:

– То есть вы с Жаном развелись от любви?

– Цель каждого брака – развод, – объяснила Эммануэль. – Некоторые иногда об этом забывают. Или предпочитают пустить все на самотек. Они следуют моде. Хотя, согласно статистике, сейчас *круто* скучать вместе как можно дольше. Неплохой аванс, если все равно придется расстаться, возненавидев друг друга!

Искренний тон возмущенной Эммануэль вернул Аурелию в хорошее расположение духа. Но все-таки она возразила:

– Разве брак придумали не для стабильности и уверенности в завтрашнем дне?

Эммануэль вынуждена была с этим согласиться. Но все же громко спросила:

– А разве стабильность возможна и вообще желательна, когда вселенная перевозит целые галактики на скоростных поездах? И действительно ли русская рулетка – лучшее успокоительное?

На этот раз Аурелия рассмеялась.

– Вас послушать, – сказала она, – так складывается впечатление, что вы развелись не от любви к мужу, а из-за любви к движению.

Внезапно Эммануэль разнервничалась:

– Не делайте вид, будто не понимаете меня. Если я кого-то люблю, разве я позволю ему привыкнуть к нашим отношениям? Разве бы вам понравилось, чтобы вас любили по привычке? Только потому, что с вами удобно находиться рядом? Что бы вы сказали, если бы влюбленные не захотели слушать друг друга только потому, что они наперед знают, что скажет другой? Настоящая любовь несовместима с бытовой рутинной. Любящий человек всегда найдет чем удивить свою вторую половинку.

– Чувствую, я с легкостью вас люблю, – заметила Аурелия.

– Потому что вы хотите любить меня по частям. Часть не может стать вечностью. Страшат лишь воображаемые крайности. Мне достаточно мужчины, который скажет, что я для него – все, и я воспарю в облаках. На уроках физики мы знакомимся с теорией относительности. Она распространяется и на меня, и это очень хорошо. Мне больше нравится быть относительной реальностью, чем выступать в роли химеры для неисправимых мечтателей.

* * *

Эммануэль неожиданно соскользнула со своей подушки и привалилась к подушке Аурелии.

– У меня, – она продолжила свой монолог, – одна любовь не убивает другую. Я украшаю старую любовь новыми деталями, которых ей не хватало. Я насыщаю эту любовь еще одной относительностью. Я делюсь с мужем теми моментами счастья, которые получаю от любовников. То же самое происходит, когда я развожусь. Я дарю своему старому партнеру возможность узнать перемены, произошедшие во мне благодаря моему новому мужу. Я не отдалась от Жана, и мне трудно долго его видеть. После многих счастливых моментов, пережитых вместе, я поняла, что ничто и никогда, ни время, ни расстояние, не разделят нас. Мы можем постоянно менять место жительства, но никогда не расставаться.

Она посмотрела в глаза Аурелии.

– Я бы не говорила вам о нашей любви с Жаном, если бы не знала, что вы тоже любите друг друга, – завершила свою мысль Эммануэль. – Я рада, что вы с Жаном теперь пара, как и мы с Марком. Настанет день, и вы пригласите меня к себе. Тогда я увижу его еще более страстным, чем раньше, когда он был со мной.

– День? – удивилась Аурелия. – Как? Вы говорите о другом дне? А почему же не сегодня? Вы и так заставили меня слишком долго ждать!

4

Аурелия протянула Эммануэль руку, чтобы вместе с ней подняться с дивана. Ее голос казался более приветливым и непринужденным. Она поинтересовалась:

– Вы не голодны? Что скажете, если мы сделаем Жану сюрприз прямо во время обеда?

Эммануэль задумалась лишь на мгновение:

– У меня встреча с Лукасом... А, ничего! Приеду позже.

Она позвонила и быстро перенесла встречу на другое время. Потом Эммануэль расстегнула свое платье-рубашку на четыре пуговицы сверху, до груди, и четыре пуговицы снизу, до бедер, затем спросила:

– Пойдем к вам? Это далеко?

– Жан обедает в ресторане. Мы будем там через двадцать минут.

* * *

Они нашли Жана за столиком, он пил кофе.

– Жан! – вскрикнула Эммануэль и уселась к нему на колени еще до того, как он успел на нее взглянуть.

Он остался неподвижен, с поднятыми руками, отодвигая наполовину полную чашку с кофе, чтобы не дай бог не расплескать ее: его тело охватила дрожь. Спустя мгновение он рассмеялся, позволил Эммануэль обнять себя, взял ее за волосы и, оттянув их назад, внимательно посмотрел на пылкое лицо, а затем вновь рассмеялся:

– Откуда ты здесь? Где ты была все это время? Ты избегала меня? Я тебя чем-то обидел?

– Вовсе нет! Что ты! Можно сказать, что я повышала свою квалификацию.

– Потом обязательно расскажешь. Я видел тебя вчера. Ты неплохо выглядела.

– Тогда почему ты ускользнул?

Вместо ответа он обратился к Аурелии, которая села напротив и смотрела на них:

– Ты привела ее силой?

Та отрицательно покачала головой. Тогда Эммануэль насмешливо-официальным тоном объявила Жану:

– Мы с Аурелией делаем все с полного обоюдного согласия и по своей воле.

– Там, где Аурелия, всегда все прекрасно, – заметил Жан. – Как давно вы друг друга знаете?

– Целую вечность, – заявила Эммануэль.

Жан потормошил ее:

– Вставай, а то я сейчас свалюсь со стула. Хотите чего-нибудь поесть? Или выпить?

– Не сейчас, – отрезала Эммануэль. – Пойдемте к вам, здесь шумно.

– У меня работа, – сказал Жан.

– Перенеси на другой раз, – вмешалась Аурелия. – Давайте вместе проведем вторую половину дня.

Жан, не споря, оплатил счет, взял папку, лежавшую на столе, попросил официанта вызвать такси, обнял Эммануэль за плечо, а Аурелию за талию, и направился вперед, приветствуя кивками головы завсегдатаев, отрывавших глаза от газет или папок, чтобы поверхочков проследить за этим волнующим трио.

Машина переехала на другой берег, но маршрут Эммануэль не интересовал. Она изучала Жана так, будто он вернулся на космическую станцию после выхода на орбиту.

– Ты не поправился и не похудел, хорошо выглядишь. Загар сошел. Мне было интересно, есть ли у тебя борода. Ты всегда говорил, что хочешь отпустить ее в старости.

- Действительно, я так и намереваюсь сделать. Когда стану старым.
- Когда мы разведемся, – уточнила Аурелия, улыбнувшись Эммануэль.
- Можете жить спокойно восемь с половиной лет, – подсчитала та.
- Это точно, – улыбнулся Жан. Чем ты сейчас занимаешься?
- Теперь – только переводами, – извинилась Эммануэль.
- Тяжелые времена, – весело посочувствовал Жан.

5

Квартира была огромной и почти пустой, она совсем не походила на художественную галерею. Эммануэль заметила лишь одну картину Аурелии. Остальные шедевры принадлежали художникам, имена которых Эммануэль определить не могла, за исключением Луизы Занибелли и Пьера Молинье.

На столике, заполненном бумагами и книгами, ее внимание привлек огромный многогранник из незнакомого ей материала, чьи тридцать граней в виде ромбов, казалось, светились разными оттенками.

Эммануэль не стала подсчитывать грани этого странного предмета, она также не видела ничего плохого в вызове, который эта фигура бросала эвклидовому пространству. Она еще помнила научную переписку, перевод которой она только что закончила. Там присутствовала формулировка, которая очень ее рассмешила:

«Почти периодические объекты периодичнее, чем непериодические объекты».

Тем не менее она обратилась к Жану – инженеру, находившемуся в курсе всех технических новинок. По крайней мере, он был таким, когда жил с ней.

Она спросила:

– Откуда у тебя этот триаконтаэдр?

– Я же талантливый мастер, черт возьми! – ответил он. – Или у меня руки не из того места растут?

* * *

Поскольку разговор зашел о работе, Жан поинтересовался:

– Почему ты зарабатываешь фрилансом? Твой муж успешный рекламщик, и, мне кажется, он вполне может обеспечить вас обоих.

– Нельзя любить того, от кого зависишь, – объяснила Эммануэль.

Зря она это сказала. Жан тут же вспомнил эту цитату. И ответил другой, от той же датской романистки:

– «Я без ума от любви! Но доверие! Без доверия нельзя даже выпить чаю со старой дамой».

«Надо же! – подумала Эммануэль. – Этот мужчина ничего не забыл. И это хорошо!»

– Не откажусь от чая, – тут же парировала она. – Но, надеюсь, у вас есть и бутерброды. У меня от любви к тебе свело желудок.

Вместо чая Аурелия принесла шампанское и бутерброды с рыбой. Они с Эммануэль сели рядом на коврике.

– А где же ваши картины? – спросила гостя. – Я имею в виду то, что вы нарисовали до вчерашней выставки. Я здесь ничего не вижу.

Жан опередил жену:

– Публика раскупает картины Аурелии. Она признанный творец.

Эммануэль энергично закивала с набитым ртом. Проглотив бутерброд, она уточнила:

– Художник, который не соблазняет, – вовсе не художник. Искусство существует, чтобы изображать неопишное искушение, перед которым невозможно устоять. Я презираю художников, которые не способны наделить свои творения особой энергетикой, благодаря которой их хочется желать.

– Но, помнится, ты любила говорить, – напомнил ей Жан, – что только искусство способно наглядно представлять будущее.

– Я не изменила своего мнения. Но не думаю, что будущее будет фригидным.

Аурелия задала следующий вопрос с осторожностью, которую Эммануэль посчитала излишней:

– Не кажется ли вам, когда вы смотрите на мои картины, что желание не имеет пола?

– Я не следую моде, – ответила Эммануэль, – я питаю слабость к красоте. Но воплощать красоту – не мужской удел.

– Хм! – возразил Жан. – Тебя просто окружали хорошие мужчины.

Он по-турецки сел рядом с женщинами.

– Кстати, теперь, когда у тебя ревнивый муж, ты ведь не можешь иметь любовников?

– С чего ты взял, что Марк ревнивый? – засмеялась Эммануэль, но потом невозмутимо уступила. – Я теряюсь в их числе...

– Понятно! – прервал ее Жан. – Почему же ты не хранишь верность мужу?

– Я всегда была верной, – подхватила Эммануэль. – И я остаюсь верной тебе, когда занимаюсь любовью с Марком, потому что остаюсь верна себе. Я так же верна Марку, когда развлекаюсь с любовником, потому что и тот и другой – часть меня.

– То есть у тебя по крайней мере один любовник? И хотя то, что он один, кажется мне странным, это тебе подходит больше, чем супружеские ограничения.

Эммануэль обратилась к Аурелии:

– Почему Жан смеется над моим темпераментом и в то же самое время считает глупым, что у вас нет любовника, помимо него?

Аурелия ответила с серьезным видом:

– Я тоже его об этом спрашивала, на что он мне ответил вашими словами, которые я помню наизусть. Вы сказали так: «Я занимаюсь любовью, будто леплю статую: не буду же я лепить лишь одну? Будь я поэтом, то высказывала бы нежность стихами. Будь я художником, то обогащала бы реальность форм и воображаемых цветов. Но я Эммануэль, и я оставлю на Земле след своего тела...» Очень мудрые слова, не так ли?

Слова юной Эммануэль, процитированные Аурелией, заключали в себе невероятную нежную силу, которая перенесла нынешнюю Эммануэль далеко от этого надежного дома и солнечного дня: в дождливый день на реку Чаупхрая, в лодку из тикового дерева, где она догадалась о том, что отличается от других женщин, и предположила, что многие другие отличаются и будут отличаться от нее еще больше, чем сейчас Аурелия. Она ответила хозяйке дома:

– Если у вас не получалась картина, что вы думаете? Может быть, так: «Мне все равно. В следующий раз все получится. И этого будет достаточно»? Или эта неудача заставляет вас так страдать, что вы вообще не хотите больше рисовать?

Аурелия ответила лишь дружеской улыбкой, которая помогла Эммануэль продолжить свою мысль:

– Как для вас уникально каждое произведение и его потеря невозможна, так и для меня ни один мужчина и ни одна женщина из тех, кого я любила, не могут заменить друг друга и не заполнят пустоты забвения. Мне нужны все, кого я люблю и кого любила. Все. И я тоже им нужна.

– Именно поэтому я привела того, кто думал, что забыл о вас, – произнесла Аурелия.

Жан не захотел обращаться к прошлому.

– Я не люблю пускаться в воспоминания, – заявил он. – Мне не так уж интересно вспоминать прошлую Эммануэль. Мне гораздо интереснее свежий взгляд – увидеть, что вы можете дать друг другу. Это будет совсем новым ощущением, потому что вы только теперь оказались вместе.

– И тебе будет интересно, даже если мы займемся друг другом без тебя? – спросила Эммануэль.

– Ты же знаешь.

Затем он с насмешливой улыбкой добавил:

– Но не сегодня.

Эммануэль, казалось, задумалась над причиной этого ограничения. Жан наклонился к ней:

– Разве ты еще не заметила? У мужчины с эрекцией нет принципов.

Она изобразила приятное удивление:

– Это я на тебя так подействовала? Сейчас?

Затем она повернулась к Аурелии и вопросительно подняла брови, будто это она, а не Жан должен был подтвердить такое положение вещей.

Аурелия притворилась смущенной, и Жан настоял:

– Вы не можете все время принимать решения сами. На этот раз я сделаю выбор.

Он взял их за локти и резко встал, заставляя встать и женщин. Затем решительным движением развернул их к себе и объявил:

– Я выбираю обеих.

Они продолжали молча смотреть друг на друга, и Жан поспешил уточнить:

– Обоих сразу.

6

Эммануэль вдыхала запах обнаженного тела Аурелии.

Он напоминал ей запах теплой гальки тропических пляжей, когда стихает морской ветер, закрываются цветки плюмерии и воздух становится каким-то ватным.

«Нет двух похожих тел, – подумала она. – Чтобы действительно понимать, что такое любовь, нужно потрогать все тела, почувствовать их разницу, найти их красоту и потерять ее. Чтобы узнать, что такое любовь, нужно понять, что ничего никогда не бывает одинаковым. Безусловно, женщина любит мужчину по-другому, нежели женщину. Но я никогда не любила одного мужчину или одну женщину больше одного дня. Как только их руки перестают меня ласкать, они вновь становятся для меня незнакомцами, которых предстоит узнать. При каждом новом поцелуе рот становится другим, он уже не такой, как прежде. Каждый раз – как в первый раз. Меня еще не лишали девственности».

Она продолжила размышлять:

«Желать, чтобы любовь длилась вечно, – это значит желать невозможного. Единственное исполнимое желание – вновь полюбить, как будто снова бросить игральные кости, будь то тот же мужчина или другой, одна женщина или несколько амазонок. Любовь преобразует человека, делая из него произведение искусства, ради этого стоит рискнуть».

* * *

Но Аурелии она ничего не сказала. Любовь – это действие, слова лишь отвлекают. Действия не изобретают, так как способы любить не бесконечны: изобретают мысли.

Именно поэтому мысль Эммануэль укоренилась, проросла и расцвела очень быстро, потому что она занималась любовью, которая не присутствует в холодных телах, которые не способны разжечь искру страсти.

Лучше думать, что ее тело становится жаром и песком под пламенем дыхания.

* * *

Аурелия любила Эммануэль, как любят человека, в котором слишком долго сомневались.

Она не могла верить, что ее грезы, то, о чем она мечтала до их встречи, вдруг стали явью. Она не желала ее по-настоящему до того момента, как они очутились рядом в этой комнате, на квадратной кровати, где Эммануэль была не только женщиной, которой Жан обладал в прошлой жизни, а той, кого Аурелия желала именно сейчас.

* * *

Каждая из них хотела понравиться другой, потому что ревность, сложная, мрачная и вульгарная, из-за которой, как того требуют обычаи, бывшая и настоящая супруги одного мужчины должны соперничать друг с другом, внушала им обоим огорчение и отвращение.

Но, бросив вызов этим жалким светским обычаям, они, не сговариваясь, показали себя умными и свободными женщинами, избежав предлогов для мелочного соперничества и глупого разочарования. Они доверились логике и хорошему вкусу, чтобы сблизиться – шаг за шагом, без опрометчивой спешки...

И вот их тела устремились друг к другу, сами поторопили события и быстро пришли к цели, которую они предполагали достичь посредством поступательного развития.

Эммануэль подумала, что выражение «положить ноги на шею»⁹ лучше, чем она предполагала, подходит к их сближению с Аурелией. Ноги Эммануэль на шее у Аурелии. Ноги Аурелии на шее у Эммануэль. Самый краткий путь между двумя женщинами.

* * *

Женщины крепко обнялись, лицом к лицу, грудь к груди. Их сердца бились в унисон. Затем они переплели ноги наподобие ножниц. Когда Эммануэль принимала эту позу, она всегда вспоминала, как Марио Серджини опровергал эпиграмму Марциала:

*Inter se germanos audit conjugere cunnos
Mentriqve virum prodigiosa Venus...*¹⁰

Флорентиец говорил, что Сапфо занималась этим не для того, чтобы имитировать мужчину, а чтобы преодолеть унылые нормы природы. Женское удовольствие изобрели лишь на восьмой день Сотворения.

В который уже раз Эммануэль возмутилась, что есть женщины, из страха отказывающиеся от несравненных открытий, которые принесло бы им это приключение: ласкать жен-

⁹ Буквальный перевод с французского.

¹⁰ «Непревзойденная Венера соединила женские половые органы и сделала один из них похожим на мужской...» А эпиграмма древнеримского поэта Марка Валерия Марциала выглядит так: «*Inter se geminos audes committere cunnos mentiturque virum prodigiosa Venus*». Это означает: «Женским местом о женское место ты трешься и трешься, и превращает тебя в мужа преступная страсть» (перевод Ф. А. Петровского).

щину, целовать ее, не спеша играть языком с ее вагиной, испить ее дивные соки, почувствовать, как трутся друг о друга вульвы.

Ей хотелось крикнуть этим невеждам:

«Трусихи, неужели вы никогда не задумывались над тем, чему одна грудь может научить другую?» Но ее рот был занят. В любом случае она больше не могла говорить, да никто ее бы и не услышал.

* * *

Никто, кроме Жана. Он не был женщиной, однако прекрасно понимал их, иногда даже лучше, чем они понимали друг друга. Он решил воспользоваться ситуацией.

Эммануэль чувствовала, как член Жана трется между ее грудями и грудями Аурелии. И она сделала вывод, что он дошел до точки, когда ему уже не нужно было на них смотреть.

Занимаясь любовью с Аурелией, она не переставала представлять, как Жан смотрит на их наслаждение и мастурбирует. Она знала, что это происходит так интенсивно и так быстро, что в любой момент можно было ожидать, что его сперма очутится на ее волосах или на лице, на шее или на ягодицах.

Когда они были женаты, Жан часто кончал на нее. Причем они друг друга не касались, лишь смотрели или иногда обменивались парой слов.

Она вспомнила, как признавалась ему в невероятных вещах, мастурбируя перед ним часами, днями напролет. Она умолкала лишь для небольшой передышки, а потом рассказывала о встрече с какой-нибудь девушкой или парнем, красивым, как, например, Тадзио, о котором она ему еще не рассказывала.

Она встретила этого нового поклонника десятью днями ранее на берегу моря. Сначала он был застенчивым; затем стал приходить туда каждое утро, чтобы встретиться с ней, потому что уже не мог не видеть ее. Эммануэль не смущало присутствие людей, она открыто демонстрировала свои формы и свои ласки. Свидетели лишь усиливали ее волнение и наслаждение.

Она заставила Тадзио снять футболку и загорать перед ней голышом. Эммануэль позволила ему скрыть эрекцию под песком. Затем, по мере того, как он все более возбуждался, не сводя взгляда с ее груди, с ее плоского и мускулистого живота, с черных кудряшек на лобке, она увидела, как бедра парня, несмотря на все его усилия, начали дрожать. Слева направо и сверху вниз. Сначала – незаметно, а затем – все более и более явно.

Тогда она спросила, не причиняют ли ему боли частички ракушек, крупницы горного хрусталя и розы пустыни, спрятанные в песке дюны. Он не ответил. Эммануэль сказала: «Дай посмотреть». Он немного повернулся на бок, но этого было недостаточно. Она мягко успокоила его и попросила повернуться еще больше.

Она была готова увидеть крупный член юноши, но даже представить себе не могла, насколько он велик. «Хвостик у молодых людей растет быстрее остального тела?» – громко спросила она. Он покраснел и что-то пробормотал, думая лишь об одной вещи, сказать о которой не решался.

Чтобы помочь ему, Эммануэль взяла в руку его аномально большой член и сжала, не шевеля пальцами. Но вдруг парень издал стон и сам начал двигать членом в руке Эммануэль.

Она не стала перехватывать инициативу и позволила ему продолжать. Девушка лишь все сильнее сжимала его член, пока сладострастное семяизвержение не избавило их от любовного напряжения.

Эммануэль вмешалась в процесс лишь для того, чтобы направить на свою кожу этот обильный поток расплавленного жемчуга, который она оставила в виде перламутрового

украшения на своем голом теле, выставленном напоказ для посетителей пляжа, которые захотят мастурбировать.

«Я сохранию твою сперму, чтобы ее слизали другие», – говорила она Жану, когда он, бывало, кончал ей на лицо.

«Не проникай в меня, пока я не забуду ощущение твоего члена в своей киске и вкус твоей спермы на языке, – нежно говорила она ему. – Я хочу попытаться сделать так, чтобы ты потерял голову. Смотри, вот моя дырочка... Она вся влажная и готова тебя принять. Мастурбуй до изнеможения! Когда в твоём члене не останется ни капли твоей старой спермы, ты вновь наполнишь мою вагину, которая теперь уже другая. Ты можешь изменить, и никто не упрекнет тебя в развязности. Ты трахнешь женщину, мужем которой был еще совсем недавно. Ты без зазрения совести воспользуешься красотой ее тела – как мимолетный гость, который воспользовался кроватью своего старого друга. А я, как молодая супруга, отдамся требовательному незнакомцу, как в день своей свадьбы, и приложу все силы, чтобы доставить ему такие удовольствия, на которые он и надеяться не смеет. А этот неожиданный любовник постарается доставить наслаждение мне. Мой лучший любовник! Он даже лучше тех, кто будет любоваться слоем твоей спермы на моих ресницах».

* * *

Эммануэль уже довольно давно отвыкла от тела Жана. Но сегодня она вновь почувствовала его страсть, от которой покрылась мурашками, как от горячности того неожиданного любовника, которым она ему недавно хвасталась.

А этот любовник был самым лучшим, потому что он не стал думать, с кем ему заняться любовью, и сравнивать их. Более того, он не пытался их разделить. «Обеих сразу», – сказал Жан. Он присоединился к их ласкам, терся членом между их грудями. Эммануэль еще плотнее прижала свои ноги к ногам Аурелии и надавила клитором на бедро, которое сжимала бедрами. Затем она проникла языком в рот своей любовницы, облизала ее небо, чувствительные места за щеками, в безумном порыве мечтая достичь горла.

Ее соски терлись о соски Аурелии. Сможет ли она довести ее до оргазма, чтобы тот случился одновременно с оргазмом Жана, который все более распаялся, елозя членом между грудями обеих женщин?

Получилось! Все трое поперхнулись, оглушенные победой, добытой честно, без всякого жульничества.

7

Жан не позволил Эммануэль уйти.

– Нужно все сделать сегодня, – торжественно заявил он.

Потом объяснил почему:

– Идеи никогда не повторяются.

Его идея была проста.

– Я хочу вас трахнуть, – заявил он.

Но он поставил условия:

– Но не одну за другой. Вдвоем.

После этого Жан пояснил свою мысль:

– Когда я занимался любовью с каждой из вас, то это была лишь подготовка к важному событию – теперь мы будем делать это втроем.

Никто не стал ему возражать.

Однако Эммануэль засомневалась, потому что не хотела вновь переносить встречу, которую она назначила своему химику.

– Ты сможешь встретиться с ним и завтра, – начал уговаривать ее Жан. – Ученый может и подождать.

– Нет, – сказала она. – Я хочу встретиться с ним сегодня. Нужно все сделать сегодня. Я прекрасно помню твои слова.

Она позвонила ученому:

– Марка не будет до полуночи. Я могу, если захочешь, поужинать с тобой.

Видимо, химик согласился, потому что она, больше ничего не объясняя, с улыбкой окончила разговор.

Затем Эммануэль напомнила Жану и Аурелии, что они не все ей рассказали:

– Я все еще не знаю, почему вы поженились.

– Потому что сейчас время предаваться разврату, а не вопросам, – ответил Жан.

Но Эммануэль настаивала:

– Кто кого встретил первым?

Жан призвал в свидетели Аурелию:

– Прости ее, в ней заговорил математик.

Затем он повернулся к Эммануэль и прервал ее:

– Мы не рассказываем про свою жизнь.

Пришлось сменить тему. У них хватало общих интересов, менее тривиальных. Одним из них был вкус к женщинам. Тема была им очень близка, поэтому они не смогли говорить о ней долго и перешли к делу. Тела любовников вновь быстро сплелись.

* * *

Не сговариваясь, женщины тут же обняли Жана с двух сторон, так, как будто они долго тренировались. Они ласкали Жана четырьмя руками, четырьмя ногами, четырьмя грудями, четырьмя губами, четырьмя рядами зубов, совместной лаской ресниц, волос, животов, утроб, вагин, огня.

Затем они распределили между собой его тело.

Одна из них прижалась к его груди и начала сосать его язык, осаждая его проникновенными атаками и покрывая слюной.

Другая умело играла пальцами с его пенисом, который вновь обрел твердость. Затем – губами. Затем – всем своим ртом, да так решительно, что, казалось, она пыталась довести его до оргазма. Но женщина знала, что в конце концов он будет делать то, что захочет.

Пока вторая прибежала к любимым ласкам, первая проворно передвинулась вверх, чтобы очутиться прямо над его ртом, и дала ему свою вульву. Ее длинные половые губы прикикли к чувственным губам мужчины, чтобы соединиться в едином поцелуе.

Мужской язык, который раздвинул провоцировавшие его губы, был настолько выносливым и закаленным, что казалось, будто это фаллос. Он проникал в слизистую оболочку Эммануэль в том же равномерном ритме, с которым Аурелия продолжала погружать его член в свое горло, заставляла его пульсировать, словно вырванное сердце в руках сладострастной жрицы майя.

Теперь Аурелия хотела запоздало ответить на вопрос Эммануэль: сказать, что Жан увлекся ею из-за незаметного возбuditеля, который находился у нее во рту и которым она ласкала его член. Если бы рот Жана был в этот момент свободен, он заявил бы, что женился бы на Аурелии, даже если бы та была русалкой, с которой невозможно спариваться, Лилит,

которая питалась лишь спермой¹¹, или другой великолепной глотательницей, обещанной грешнику Писанием. Но Жан был не в том положении, чтобы воплощать свои образы в слова, так как рот ему заткнула не менее прожорливая вагина.

Однако, когда стоны Эммануэль, пронзенной языком Жана до самых недр, прекратились, он взял ее за бедра и приподнял над собой, чтобы опустить щель ее влагалища на свой член.

Тогда Аурелия согласилась выпустить его пенис изо рта и двумя мастурбирующими его руками направить в лоно своей подруги. Затем она всем своим весом надавила на ее ягодицы, чтобы член проник как можно глубже. Аурелия распласталась вдоль тела своего мужа и начала страстно шептать ему на ухо:

– Кончи в нее! Кончи в нее, как я люблю! Отдай ей всю свою сперму. Наполни ее за меня. Пусть она останется нанизанной на тебя, чтобы не покидать нас больше!

* * *

Но Жан ее не слышал. Не отрываясь, он откинул Эммануэль назад, на спину, обнял Аурелию и заставил ее поместиться между ним и девушкой, которую они делили между собой. Жан положил ноги Аурелии на ноги Эммануэль, во всю их длину, чтобы оставить наиболее широкий угол, то же самое сделав и с руками. Оба тела теперь лежали одно на другом, рот ко рту, грудь к груди, лобок к лобку, как Андреевский крест, чьи части представляли собой спаренные части тела.

Руки Жана легли по бокам их талий, достаточно тонких, чтобы его вытянутые пальцы ухватились за них и заставили прижаться друг к другу.

Уверенный в своей хватке, Жан сперва начал входить и выходить из Эммануэль, пока на него не нахлынули развратные чувства, которые, как он знал, она умела в него вселять. «Я помню этот же член, помню, как это же влагалище уже было в моей сперме! Что может быть лучше девственницы или самой разнузданной гетеры?»

Однако он вышел из нее и без промедления вошел в Аурелию. Он подумал, что получает совершенно иное удовольствие: более порочное, одурманивающее, чрезвычайно похожее на то, которое дарит его язык. Оно было так прекрасно, что эта женщина покорила его с самого первого занятия любовью. Казалось, невероятный скачок эволюции наделил ее ртом богини Фавны с двух сторон ее тела!

Едва почувствовав приближение оргазма, он вновь сменил лоно.

Теперь Жан лишь единожды нырнул и вынырнул из него, затем вошел в другое, получив от него такое удовольствие, что чуть не кончил. Но в последний момент он вновь вынул из него свой член и вернулся к Эммануэль.

Он так умело выполнял этот обмен, что ему казалось, будто он занимается любовью не с двумя, а с одной женщиной – красавицей с двумя телами и двумя талиями. Женщиной, подходы к которой были высланы пеной и так отличались друг от друга, что казалось, будто они принадлежали разным существам. А может, убеждал он себя в чувственном опьянении, так оно и было!

«Нужно помнить об этом феномене! – говорил он себе. – Не дать этому чудесному гибриду рассыпаться. Нужно возбудить у него желания и оставаться единым целым!»

Зная Эммануэль, он понимал, что это будет нелегко... Следовало ей напомнить, что в любви бывают и хорошие привычки.

¹¹ Лилит – первая жена Адама в каббалистической теории. Согласно преданиям, расставшись с Адамом, Лилит стала злым демоном, убивающим младенцев. Также утверждается, что Лилит стала женой Сатаны. Ее сравнивают со змеем, и она якобы постоянно плодилась – от ворованной мужской спермы.

В любом случае ему без труда удастся убедить своих партнерш, что этот опыт стоил многого. Вибрирующие бедра, которые Жан держал в своих руках, ноги, лежащие на других ногах, дикие стоны, которые один рот заглушал в другом, жар женщин-фавнов и крики нимф заявляли об их интимном удовольствии достаточно, чтобы он не боялся – сегодня, по крайней мере, – жалоб своих любовниц на то, что им приходится делить одного мужчину.

* * *

«Это действительно один мужчина и все тот же мужчина? – удивлялась Эммануэль, чей разум был затуманен бесконечными сладострастными спазмами. – Каждый раз, когда его фаллос возвращается в меня, он становится тверже, теплее, он разбухает и напрягается, становится нежнее и заходит еще глубже. Разве возможно, чтобы я забыла об этом?»

И еще она подумала: «Как же прекрасно шлепают по мне ягодицы моей наездницы, когда я передаю ей партнера! Теперь она не сможет убедить меня в том, что ее колчан не создан для стрел мужчины!» Вскоре всякие мысли оставили Эммануэль, и она кончила, так и не решив, что ей нравится больше: член Жана или тело Аурелии.

Когда же они начали так сводить ее с ума?

Как ей выпал этот шанс?

Какой закон или какое нарушение правил привело ее к этому моменту совершенства?

Какая цепь случайных встреч, какая игра зеркал, какая шутка, какое опьянение, какая счастливая луна и каменная Аурелия, какие пройденные бесконечности и непривычные многогранники привели ее в эти алгебраические дебри, где удовольствию нет предела и где у любви есть кричащее название: $U.x = \mu x?$..

III. Марамуй

1

Рядом с Порт-д'Итали в Париже есть несколько безлюдных улочек, которые лениво тянутся к площади Тополей. Там всегда царили тишина и спокойствие. Если кому-нибудь завязать глаза и переместить его в это место, то он с трудом смог бы сразу определить, в каком городе находятся и к какому веку принадлежат эти конструкции, которые высятся по бокам мостовой, не отбрасывая на нее тени.

Пространство было застроено низкими чопорными домиками, отделенными друг от друга скромными клумбами из тщательно подстриженной герани и бересклетов, огороженных от неуместного тротуара железными решетками или невысокой изгородью. В этих домах всегда жили врачи, бывшие капитаны судов, аналитики из стран третьего мира, часовщики, медальеры с Монетного двора и авторы книг по партеногенезу¹².

Общий стиль зданий выглядел несколько фальшиво. Фасады украшали выступающие веранды. Следует упомянуть и намеренно скромные остроконечные крыши, и аккуратные, но сдержанно-элитарные, если даже не сказать несколько надменные, навесы над ступеньками, ведущими в дом. Входные двери из старого дерева иногда были окованы железом. Здесь царила спокойная и безмятежная атмосфера, дополнявшаяся пением птиц. Все это было бы уместно в консервативном районе Лондона – в Кенсингтоне или в Челси. Но для Парижа этот район был не характерен, особенно если прийти сюда случайно, ведь он располагался в двух шагах от оживленных улиц, где возвышались виллы Эсте и другие фаллические башни, которые больше соответствовали нынешнему «футуристическому» времени.

Благодаря этому контрасту и хорошему настроению, которое посетило ее на этих парижских улочках, Эммануэль и познакомилась с Лукасом Сен-Миланом. В тот день она пришла сюда к эксперту по техническим терминам, который жил на улице де ля Вистюль. В оживленных местах Эммануэль всегда становилась рассеянной, поэтому она немного заплутала, свернув не в тот переулок с проспекта Италии.

Через пару минут она достаточно рассудительно решила немного побродить вдоль этих чудесных улочек, вместо того чтобы сразу бежать на встречу к эрудиту, который вечно опаздывал. В одном из одноэтажных домиков, перед фасадом которого она слонялась, было нечто смешное и откровенно фальшивое, решила Эммануэль. Он выделялся среди прочих построек какой-то неуместностью.

Чем больше Эммануэль на него смотрела, тем больше она замечала в особенностях этого дома какую-то тайну. Старомодная растительность, которая его окружала, была скорее вызывающей, чем невинной. Обманчиво-светлые стекла в раме полукруглого окна не позволяли взгляду проникнуть внутрь, хотя окна не были занавешены шторами. Эммануэль казалось, что даже краска, покрывавшая фасад дома, была какой-то необыкновенной, даже неестественной.

Она подумала, что было бы хорошо сделать этот дом местом действия для одного из ее непристойных рассказов, которые она любила придумывать для собственного удовольствия. Эммануэль решила, что по сюжету этот дом был предназначен для занятий любовью, но приходить сюда должны были только братья и сестры, не достигшие половой зрелости. Или другой сюжет: здесь будет размещаться фабрика роботов, которые влюбились в свою

¹² Так называемое «девственное размножение», одна из форм полового размножения организмов. (Прим. ред.)

красавицу-хозяйку и доставляли ей оргазм в шестидесяти восьми измерениях посредством своих сканохромных языков.

Размышляя таким образом, она наткнулась взглядом на глупую дощечку деревенского вида, на которой было написано: «*Марамуй*».

«Я была права, – поздравила она себя. – Эта хибарка очень своеобразна».

– Что вас рассмешило? – услышала она голос позади себя.

Голос был молодым, веселым и доброжелательным. Эммануэль обернулась и увидела перед собой высокого молодого человека с черными бровями, острым носом, плотно сжатыми губами и массивным подбородком. Он был одет в коричнево-серый спортивный костюм. Ей показалось, что он был совсем ненамного моложе ее. Не красивый, но довольно приятный. От него исходила некая беспокойная сила, а дружелюбные глаза скрывали слишком выдающиеся скулы. В целом молодой человек казался несколько угловатым.

– У меня есть подруга по имени Мара, – произнесла Эммануэль, не вдаваясь в объяснения.

– Вот оно что... Марамуй? Если хотите знать, так называется мельница рядом с Баржемоном, в департаменте Вар.

– И как это связано с надписью на табличке?

– Я там родился, – сказал он.

Она подошла поближе.

– Так вы здесь живете?

– Судя по всему, да.

Эммануэль не смогла удержаться от расспросов:

– И чем же вы занимаетесь?

Сначала ей показалось, что вопрос молодому человеку не понравился. Он как-то подозрительно посмотрел на Эммануэль, но затем продолжил:

– Хотите посмотреть?

Эммануэль подумала: «Мое любопытство до добра не доведет».

Но она тут же себя оборвала:

«Но это же не значит, что нужно останавливаться».

Тогда молодой человек открыл решетку ограды и пригласил ее пройти первой. Она почувствовала себя очень храброй, переходя твердым шагом эту своеобразную линию невозврата. Однако она была уже не такой смелой, когда увидела, как мужчина достал ключ, словно от сейфа, и кончиками пальцев пощупал его стержень, прежде чем вставить его в замок входной двери. А потом Эммануэль стало совсем не по себе, когда она обнаружила, что щеколда обита стальной обшивкой – дом был защищен от воров гораздо серьезнее, чем жилище обычного гражданина.

– Вы так боитесь, что вас ограбят? – поинтересовалась она.

– Я боюсь, что у меня могут украсть все оборудование, – ответил молодой человек, не делая из этого никакого секрета.

У Эммануэль не было больше нужды ни о чем спрашивать, потому что она вдруг перенеслась в самое сердце персонифицированной Силиконовой долины. Скорее, даже не персонифицированной, а миниатюризированной. Снаружи дом ей казался обычных размеров. Внутри же он оказался просто громадным. Осматривая его, Эммануэль не могла не подумать об английской автомобильной фирме, создававшей машины, которые казались внутри гораздо больше, чем снаружи.

Ощущение безграничности складывалось из того факта, что внутри дом не был разделен ни порогами, ни перегородками. Весь его объем, от черного лакированного пола до перекладин крыши, состоял из одной комнаты. Деревянная балюстрада шириной более трех метров и высотой в половину стены окружала все помещение.

Стены же, как и пол с балюстрадой, были облицованы сосной, но не покрыты лаком. От дерева исходил запах свежести, напоминая скандинавский лес. Сразу захотелось вдохнуть полной грудью. Дом был наполнен свежим воздухом, но вот откуда он шел? Нигде не было видно ни единого окна. Что же до проемов на веранде, то они были, как Эммануэль и подозревала, закрыты изнутри.

Ей казалось, что они вошли в четырехстороннюю галерею через опускающуюся дверцу, которая вела к грузовому лифту, состоящему из единой сосновой платформы, которая покачивалась на четырех чрезвычайно тонких кабелях, сверкающих так, будто они были сделаны из платины. Но Эммануэль напрасно напрягала глаза – она не заметила ничего, что походило бы на механизм лифта. Может, его еще не установили?

Она не стала вникать в детали, потому что вокруг было много чего интересного. Повсюду были разложены разнообразные инструменты. Они аккуратно лежали на длинных столах различной длины и высоты, но выполненных в едином стиле из плотного и прозрачного плексигласа. Эти столы не просто стояли параллельными рядами: они пересекались под прямыми углами, без какой-либо закономерности или симметрии, на манер вертикальных перегородок лабиринта, больше блокируя путь, чем открывая его, заставляя делать лишние повороты и создавая тупики.

Эммануэль быстро осознала, что это расположение, выглядящее случайным, таковым вовсе не было. Доступ к каждому рабочему месту, как и расстояние между ними, – все было рассчитано с математической точностью, которая, как она понимала, соединяла нужные проходы.

Некоторые инструменты были ей знакомы: микрокомпьютеры, электронные зонды, осцилляторы, электроскопы, различные излучатели, мини-лазеры, динамографы, высокоточные весы, измерительные приборы для микровеличин различных свойств. Она заметила также стеклянные сосуды, тигели, пробирки, конденсаторы, инкубаторы, а также большие и маленькие катализаторы химических реакций, скромно стоявшие на боковом столике и возвышающиеся над кранами и умильными старенькими фильтрами, у которых, видимо, было свое назначение.

Зато большинство других приборов были ей незнакомы, за исключением двух или трех, на экране которых плясали разноцветные кривые. Эммануэль вспомнила, что видела их на иллюстрациях в описаниях, которые она недавно переводила. Но теоретическая подготовка не помогла ей понять назначение всех этих приборов. Хотя, подумала она, ее знания помогут ей не упасть лицом в грязь перед хозяином.

Пройдясь перед механизмами, которые были ей знакомы, Эммануэль непринужденно произносила их названия. Но произведенный эффект оказался совсем не таким, на который она рассчитывала.

– Ааа! Вас ко мне подслали! – пробормотал юноша. – Но мне плевать. То, что вы расскажете своим боссам, не поможет им узнать результаты моих исследований.

Эммануэль застыла в изумлении. О чем это он?

Но спустя мгновение она разозлилась. Назвать ее шпионкой – это уж слишком! Она кинулась на обидчика с явным намерением выцарапать его красивые глаза. Молодой человек отступил назад, отразил ее неловкие удары, сжал запястья и рассмеялся:

– Вас что, не научили карате или кунг-фу? Как-то несерьезно для ЦРУ!

Эммануэль поняла, что он и сам уже не верил в правдивость своих подозрений. Его насмешливо-сниходительный вид ее развеселил. Однако, сохраняя дистанцию, Эммануэль ответила со всей серьезностью:

– Хорошо, сдаюсь! Я раскрою вам свою шпионскую сеть.

Он освободил ее руки и улыбнулся.

– Нет нужды. На этот момент достаточно и вас.

Но Эммануэль с затаенной обидой колко ответила:

– «Достаточно» – это не для меня. Я не подхожу в качестве рациона для выживания.

Вместо фастфуда я вас оставлю с пустым желудком.

Он в свою очередь испугался, что его неправильно поняли.

– Я не хотел вас обидеть, – пояснил молодой человек. – Давайте сменим тему.

– От меня не так легко увернуться!

– Я ни от кого не уворачиваюсь. У меня нет на это времени.

Молодой человек говорил правду. Многочисленные приборы свидетельствовали о том, что он действительно много работал. Эммануэль уже жалела о своем вызывающем поведении. И она вновь стала такой милой, что перед ней невозможно было устоять.

– Перед тем как расстаться, – предложила она, – давайте познакомимся чуть ближе.

Юноша стоял с опущенной головой. «Надеюсь, он смотрит на мои ноги, – подумала Эммануэль. Она оглянулась в поисках стула, чтобы присесть и расправить юбку, но юноша ей ничего не предложил. Тем хуже для него! Но в то же время она поняла, что, к сожалению, в этом юноше не было ничего от Адониса.

Стоя в центре лаборатории, чистой, как витрина ювелирного магазина, она вкратце объяснила хозяину дома, откуда пришла, чем занималась и почему так хорошо разбиралась в технике.

– Вот это да! – восхитился он. – Может, зря вы не пошли в научный отдел секретных служб.

– Не начинайте снова! – пригрозила Эммануэль. – Учтите, я и знать не хочу, над чем вы работаете. Я сейчас уйду.

– Чао! – фамильярно попрощался молодой человек. – До встречи!

Юноша проводил ее до выхода.

– Вежливость или предосторожность? – проворчала про себя Эммануэль, пока не услышала, как он издали кричит:

– Приходите в любое время! Я всегда дома и выхожу лишь для того, чтобы выпить чашечку кофе.

2

Возвращаться в дом-лабораторию Эммануэль не хотела. Но ее снедало любопытство. Девушка сопротивлялась целую неделю, но потом все-таки позвонила в дверь с надписью «Марамуй».

Юноша встретил ее как старую знакомую и показал остальные свои сокровища, а потом пригласил ее встать вместе с ним на площадку лифта.

– *Вверх!* – скомандовал он.

И деревянная платформа плавно оторвалась от пола. Скользя по тонким кабелям, она начала поднимать пассажиров к закрытому люку.

Платформа бесшумно продолжала работать на полную мощность, пока молодые люди не стукнулись головами о потолок. Подъемник остановился.

Эммануэль обнаружила, что большой балкон обустроен под жилое помещение. Там стояли книжные полки, низкие столики, пуфы. Тонкий матрас с овечьей шерстью, раскрашенный в красные и черные полосы, служил кроватью. Все было очень аккуратно, никакого холостяцкого беспорядка.

В углу была устроена просторная душевая кабинка с различными насадками для душа. Рядом – умывальник, зеркала и шкафчики, расположенные прекрасно как с точки зрения эстетики, так и удобства. На полочке аккуратно лежали зубная щетка с бритвой. Даже туа-

летная бумага была убрана в шкафчик с подогревом. В противоположном углу находилась другая кабинка, с матовыми перегородками, для туалета и биде.

В следующем пролете был установлен кульман и обустроено место для винтов и рулеток; столы с новыми образцами машин для записи по памяти; целый ряд диктофонов; камеры и прожекторы; галогенные лампы и управляемые световые указатели; картотеки; папки – и опять компьютеры!

И здесь не было ни единого признака беспорядка, ни единой бумажки, не было даже мусорной корзины – просто идеальный порядок!

В последнем секторе квартиры-галереи стояли три телевизора, три видеомагнитофона, каких во Франции было не найти, большой экран и кресло космонавта, чтобы сидеть с максимальным комфортом. Бар с алкоголем, микроволновая печь, стеклянная электрическая плита, холодильник, такой же маленький, как и печь, мойка, спрятанная во вращающемся цилиндре, откидные полки, минимально необходимое количество посуды – все это так незаметно встраивалось в окружение, что Эммануэль почти ничего не заметила.

– Ну что ж! – подвела она итог. – Вы и вправду ни в чем не нуждаетесь. И ни в ком.

* * *

Но в следующий свой визит она изменила мнение. Этот технарь, который, как казалось, нуждался только лишь в одиночестве, не так уж отличался от всех остальных, как она подумала сначала: он страдал от отсутствия друзей и общения.

Он с большим удовольствием принимал у себя Эммануэль и, несомненно, ждал ее визитов. Может, у него и не было времени на любовь, но он мог слушать ее, говорить, смеяться и шутить с ней и даже дал попробовать неповторимый шоколад со сливками.

Он совершенно не был угрюмым. Эммануэль привлекали его простота, открытость и веселость. Но этих качеств было недостаточно, чтобы она к нему приходила так уж часто. Она его навещала вовсе не потому, что ее привлекал его ум, и не потому, что хотела больше узнать о природе его исследований. Нет. Она хотела подружиться с этим гением.

Эммануэль с самого начала поняла, чем подтолкнула его на повторное приглашение: Лукас боялся, что оскорбил ее, назвав шпионкой. Он также упрекал себя в том, что при первой встрече слишком сильно сжал ей запястье. Но юноша был совершенно не жесток. Он, скорее, страдал от переизбытка доброты и вежливости. Сам того не понимая, он инстинктивно искал поводы для самопожертвования.

Эммануэль, разумеется, самопожертвования от него не требовала. Ее намного больше интересовал он сам, чем то, что он мог для нее сделать. Но он так мало о себе рассказал, что ей приходилось заставлять его раскрываться.

Постепенно он поведал ей о своем детстве в Провансе, об учебе в Марселе, поступлении в Калифорнийский университет. Там он пробыл достаточно долго, чтобы завести знакомства и получить необходимые знания, чтобы окунуться в исследования, которые он хотел проводить самостоятельно.

Эммануэль вдруг высказала сомнение:

– А разве в наши дни возможно делать открытия без сотрудничества с научной группой? Неужели на самом деле существуют исследователи-одиночки, способные сделать важные открытия?

– С тех пор как у меня появились возможности делать открытия, я не занимаюсь фундаментальной наукой, – лаконично ответил Лукас.

Эммануэль решила проявить сдержанность и не стала пускаться в расспросы об открытиях Лукаса. Она лишь произнесла:

– Какие возможности?

Он жестом указал на приборы и добавил с мягкостью, которая нивелировала сухость его ответа:

– Я смог обучаться в Беркли, потому что мой отец был богат и стар, а я был его единственным сыном. Ему пришлось умереть, чтобы я подарил свои открытия миру.

Его голос был тверд, но Эммануэль поняла, что юноша страдал от того, что смог продвинуться на научном поприще такой дорогой ценой.

– Люк Сен-Милан умер, – продолжил юноша, – а я продал Марамуй с его оливковыми и виноградными рощами. Я получил достаточно, чтобы, как и хотел, модифицировать этот дом, построенный моей матерью, которую я даже не знал. Я купил все эти приборы и обеспечил себе безбедную жизнь на долгие годы.

Потом тоном, который положил конец воспоминаниям, он добавил:

– Этого более чем достаточно, чтобы завершить мою работу.

А затем, будучи очарованным Эммануэль, он доверительно признался:

– Вообще-то, я уже закончил.

* * *

Но она томилась еще на протяжении многих недель, прежде чем Лукас открыл, в чем состоит его изобретение.

Как только юноша решился на это, он просто спросил:

– Хотите быть первой, кто опробует мою новую ткань?

Эммануэль испытала разочарование. Получается, все эти великолепные приборы, все эти знания, все эти инвестиции, это заточение, секретность и все эти усилия нужны были лишь для нового слова в производстве текстиля!

Лукас заметил, какое впечатление произвели на нее его слова, и расхохотался. Но он часто смеялся...

– Я плохо знаком с высокой модой, – продолжил он. – Вы лучше меня знаете, кому доверить эту ткань, чтобы из нее сшили подходящее вам платье. Если, конечно, цвет придется вам по вкусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.